

Гай Юлий Орловский
Ее Высочество

Серия «Юджин – повелитель времени», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
Юджин – повелитель времени. Книга 7. Ее Высочество / Гай Юлий Орловский: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83714-4

Аннотация

Противник всегда благороден и великодушен, а враг подл и коварен. Противник честен, правила войны для него святы, а вот враг ими пренебрегает, сражаться с ним трудно и опасно.

А еще враг норовит ударить в самое больное место, что совсем недопустимо для благородных глердов. К счастью, у глерда Юджина в мире меча и магии есть не только пистолет и винтовка с оптическим прицелом, но и понимание, что в войне вообще нет благородства.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Гай Юлий Орловский

Ее Высочество

© Орловский Г. Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

*Самый опасный враг – отсутствие врагов.
Лойола.*

Часть первая

Глава 1

Роннер Дорриган, бригадир столичных плотников, показал себя настолько хорошим работником и умелым распорядителем, что я на третий день после их прибытия в бухту назначил его управляющим верфью.

Хорошая карьера, но, с другой стороны, во всей Дронтарии нет человека, умеющего строить корабли. После того великого поражения и уничтожения флота и всех портов одни переквалифицировались, другие вымерли, третьи ушли на заработки в Пиксию и Гарн...

После нашего победного возвращения я дал всем безразмерный отпуск на весь день, всем вернувшимся есть что рассказать, показать и чем побахвалиться, а сам с Фицроем прошелся вдоль стапелей со скелетами заложенных кораблей.

Дорриган торопливо сбежал по лестнице с недостроенного борта каравеллы, выглядел счастливым, а когда заговорил, то едва не повизгивал от распирающего счастья:

– Глерд Юджин, за время вашего отсутствия мы подготовили еще корабль! Хоть сегодня на воду.

– Отлично, – одобрил я. – Сегодня отдых, пусть вернувшиеся из проверочного похода расскажут о нашей лихости, это вселит оптимизм и повысит работоспособность на единицу труда, а завтра с утра снова трезвые и вообще!..

Он сказал с готовностью:

– Да, глерд Юджин. Все будет сделано, глерд Юджин!

Фицрой повернулся идти дальше, но я сказал Дорригану достаточно жестко:

– Да, еще очень важное! На кораблях никаких украшений!.. При встрече с ними на море всяк пусть видит: люди работают! Купцы купцуют, солдаты солдатствуют, а не... У нас люди серьезные, никаких плавающих бардаков на море!.. Вот тогда только по-настоящему будут бояться.

– И уважать, – вставил Фицрой.

– И уважать, – согласился я. – Вы правы, глерд. Пусть издали видят, серьезные люди идут по морю. Шествуют. Изволят! А когда корабль в украшениях и даже в затейливой резьбе по бортам – это какие-то богатенькие бездельники плывут! Нет и нет. Не важно, что мы зайчики, смотреться должны злыми и мрачными. Чтоб уважали и не заступали дорогу. И корабли должны выглядеть злыми и мрачными. Хотя оставаться зайчиками.

Он вздохнул:

– Да, глерд. Будет исполнено, глерд. Хоть ничего и не понял насчет злых зайчиков, но ваши указания лучше исполнять быстро и точно. И без всякого там. Да и тут.

– Вы хороший управляющий верфи, – сказал я с одобрением. – И даже замечательно, что раньше корабли не строили. Прежние корабель в шорах и предрассудках, а мне нужны незашоренные!.. Без груза устаревших приемов. Действуйте согласно! И все получится. Я отлучусь ненадолго, а когда вернусь, мы тут такое замутим...

Фицрой пошел рядом нарядный по-особенному: в море в шляпе с пером не походишь, зато при разделе добычи перемерил массу одежды с захваченных и ограбленных кораблей, выбрал себе некий черный наряд, сочетающий изящество и строгость дизайна, где толстые золотые нити идут лишь по воротнику, обшлагам и в виде аппликаций на левой и правой стороне груди, из-за чего он выглядит неким таинственным принцем из загадочной страны.

– Ну как я смотрюсь? – поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, спросил: – А чего приказание отдаешь так, будто собираешься надолго смыться?

– Не надолго, – сказал я, – но пора бы помочь делу сопротивления в справедливой борьбе с агрессором! Не санкции же на него накладывать... В конце концов, если Антриас захватит Дронтарию, наш флот тоже гавкнется.

– Гавкнется?

– Накроется, – объяснил я, – медным тазом.

Он покрутил головой.

– Ну и грубые в твоём королевстве люди! Какие слова произносят. Думаю, обойдутся без нас. Король Дронтарии уже предупрежден, мы сделали все, что требовалось...

– Это знаешь ты, – напомнил я, – а не королева Нижних Долин. – Все-таки, как бы ни была уверена во мне, надо сообщить о готовности короля Астрингера работать в коалиции и с верой в совместную борьбу с агрессором на собственной территории, раз уж доктрина о внешней политике не позволяет наносить превентивные удары за пределами.

– За пределами, – спросил он, – чего?

– За пределами, – повторил я многозначительным тоном. – Это важно – за пределами. И дает неоспоримые преимущества!.. Как только кто-то выходит за пределы существующих рамок, будь это знания, обычаи, предрассудки, это я про ученых, или пределы морали, совести, чести, это все остальные, то тут же автоматически получает преимущество над незнющими, трусливыми, совестливыми, честными, приличными, благородными, достойными, верными и преданными...

Он насупился, пробурчал, глядя из-под лба почти с неприязнью:

– Не пойму я тебя, Юджин... Ты на чьей стороне?

– Как демократ и гуманист, – ответил я с достоинством, – я всегда на своей стороне. Хотя и этот сукин сын может предать, как не раз уже делал, но это наш сукин сын!.. Даже как бы и совсем мой. В общем, я быстренько туды-сюды. Тут еще суп не остынет.

Он хмыкнул.

– Ну да, если бы так... Вот так прошлое хватается за ноги. Пока окончательно разделаешься, столько времени профыркивается...

– Останешься вместо меня? – спросил я с надеждой. – Вдруг королева дрогнет?

– Подумает, – предположил он, – тебя по дороге в Дронтарию химеры взяли, и король Астрингер будет застигнут врасплох?

– Что-то типа того, – ответил я. – Это на кого-то другого может подумать, что запил где в дронтарских кабаках и забыл, куда и зачем едет.

– Не указывай грязным пальцем, – ответил он с достоинством, – на мои чистые пятна! Знаешь, сколько мне потребовалось усилий, чтобы создать о себе такую репутацию? Зато никто не пристаёт с обязывающими просьбами.

– А потом ты так привык играть эту роль, – сказал я, – что маска взяла и приросла.

Он хохотнул.

– Точно. А так внутри я такой же серьезный и занудный, как ты. Только очень глубоко внутри. Уже не достать. Но, ты прав, королева должна быть уверена, что у тебя все получилось, и Антриас нарвется в Дронтарию на крепкую оборону. Это и в твоих интересах.

– В наших, – поправил я. – Если Антриас прорвется до побережья, нашим амбициозным планам хана.

Он сказал с неудовольствием:

– Вот так всегда! Как только начинается что-то интересное, тут же всякое норовит испортить и помешать. Но я не останусь вместо тебя. Здесь все работает. Ты умеешь подбирать людей! Этот Роннер Дорриган пашет с утра до ночи с того дня, как ты назначил его управляющим верфью. Еще бы, такая карьера!

– Ему просто понравилось строить корабли, – сказал я. – Да и нет во всей Дронтарии кораблестроителей.

– Да им всем понравилось, – сообщил он. – Глаза горят, только и разговоров о работе! Даже больше, чем о бабах.

– Ну уж больше, – сказал я с сомнением.

– Ну почти, – ответил он. – Но такого раньше не было, чтобы и после работы говорили о работе! А у нас даже с бабами в постели все о работе, все о работе... Так что можем ехать смело, ничего не случится. А когда вернемся, парочка кораблей уже будет готова к спуску на воду.

Я подумал, сказал нерешительно:

– Да, пожалуй. Но все равно пора освобождаться от этой роли побегальщика. Ну, побегушника. У меня свое интересное и перспективное дело!..

– Это я понял, – ответил он и плотоядно потер ладони.

– Ну вот, – сказал я, – так что надо намекнуть ее величеству, что я уже старый, надо на покой, на побегушках уже не могу, кости болят...

– Намекнешь? – переспросил он. – Обухом в лоб?

– Постараюсь помягче, – ответил я. – Все-таки женщина!

– С женщинами разговаривать труднее, – согласился он. – Я вообще стараюсь разговоров меньше, дела больше... но с королевой так не попрет, надо с танцами. Хорошо, пойду подберу коней.

– Фицрой, – сказал я с чувством, – что бы я без тебя делал? Наверное, зажил бы, как король!.. Ладно, займись конями и прочим, а я тут заскочу кое-куда, надо попрощаться...

Он захохотал и быстро вышел, я услышал в коридоре бодрый стук его подкованных подошв и бодрящую песню.

Под властью владельца замка Медвежий Коготь, кем бы он ни был, находятся два десятка деревень и сел, хорошие пахотные земли, леса, одно небольшое озеро, два болота на севере и длинная прибрежная полоса южного моря. Жаль, конечно, не пляжная, волны грозно бьются о скалы, но, с другой стороны, враг не высадится, что в это беспокойное время важнее.

Бухта на границе моих земель и герцога, и хотя он отдал в мое распоряжение ее всю в ответ на мое содействие в улаживании его спора с соседом, но все-таки надо подчеркивать, что я ценю его дар, что я охотно и делаю по-своему, зато искренне...

Герцогиня поднялась навстречу, на лице сильнейшее смущение, щеки сразу заалели, между нами был стыд, она это постоянно помнит и, похоже, частенько копается в своем неправильном поведении, толкуя его так и эдак, для женщин это как для мужчин футбол или чемпионат по боксу для тяжеловесов.

Я сказал с ходу:

– Как вы свежи и молоды, ваша светлость!.. И как меня охватывает энтузиазм!

Она сказала слабым голосом:

– Глерд Юджин...

Я откровенно любовался ее смущением. Идем к сингулярности, уже скоро начнем менять свои тела так, что не поймешь, кто был мужчиной, а кто женщиной, но я пока что в этом теле, а для него, скроенного по древним лекалам, такое небезразлично... скажем предельно мягко, и многое воспринимается согласно инстинктам, а не по уму.

Ну не в состоянии я заботиться о мускулистой женщине, что в двойном повороте вышибает ногой челюсть противнику и вообще во всем демонстрирует надо мной превосходство! Я могу с нею дружить, общаться... но у любви все-таки на первом месте забота и оберегание, это древнейший инстинкт, без него человечество исчезло бы еще во времена неандертальцев или даже на уровне червяков.

Возможно, именно потому потянуло и продолжает тянуть с такой силой к герцогине. Она действительно женщина, то есть половинка человека, как и я половинка, а вместе составляем человека: могучего, полноценного.

По отдельности мужчина и женщина, а вместе – человек. Потому что мужчине легче добывать мамонта и открывать бозон Хикса, когда со спины прикрывает женщина, обеспечивая комфорт и придавая силы для продолжения борьбы.

Вот так вместе человек делает гораздо больше, чем мужчина и женщина по отдельности. Но в моем мире эти речи – чудовищная крамола, можно и загреметь, зато здесь могу вести себя по-дикарски естественно.

– Бог создал женщин, – сказал я, – нам в поддержку и утешение... Утешьте меня, герцогиня, мне снова грустно.

Она испуганно оглянулась.

– Зачем вы меня сразу раздеваете? Глерд, вы хотя бы поздоровались! Муж вот-вот вернется!

– Вы правы, – согласился я. – Подумаешь, ворох платьев... Не так уж и тяжело задирать...

– Глерд!

– Подержите здесь и здесь, – деловито попросил я. – Вот на этой высоте... Можно выше... Ох, как вы божественно утешаете...

– Глерд, я ничего не делаю непристойного!.. Я порядочная женщина!

– Да, – согласился я счастливо, – как хорошо такой свинье, как я, оказаться среди порядочных.

– Глерд, не делайте того, что вы делаете, умоляю. Это непристойно...

– Правда? – изумился я. – Кто бы подумал...

– Глерд, – прошептала она, закрыв глаза, – мне стыдно... как я могу...

– Не обращайтесь внимания, – посоветовал я.

– Глерд!

– А вот мне можно, – сообщил я. – Я освоил пиратство, потом расскажу, что это, теперь с новым левлом можно вообще все!

– Глерд, то... что делаете... вообще бесстыдство...

– Зато какое!.. Герцогиня, вы умеете дать человеку счастье... или, как говорили в старину кратко, просто дать... даже ничего не делая... и даже не обращая внимания, что делают с вами...

– Ох, глерд, это бесстыдно и недопустимо...

– Весь грех беру на себя, – заверил я. – Как поджигатель, а вы жертва, потому вы абсолютно невинны... как это восхитительно, как... ох, бесподобно... герцогиня, вы самое лучшее на свете лакомство...

Она опустила подол, как только я перестал сжимать ее в объятиях, сказала в ужасе:

– Что я мужу скажу?

– Всю правду, – сказал я бодро, – ваш сосед, глерд Юджин, отправляется в Шмитберг. Заскочит к королю Астрингеру. Если герцогу надо что-то передать его величеству, то с удовольствием и радостью от счастья иметь такого соседа... гм, как-то двусмысленно звучит... в общем, потом помчусь в королевство Нижних Долин.

– Ох, – сказала она опасливо. – Не насовсем?

– Как я могу, – заверил я и попытался поцеловать ее, но она в смущении отвернулась, и я чмокнул в розовое ухо. – Если вдруг герцогу что-то надо, пусть только кивнет! Из Шмитберга проеду в Санпринг пообщаюсь с ее величеством королевой Орландией насчет стратегии развития и культурных связей, как-то так примерно. И если герцогу что-то нужно...

Она слабо улыбнулась:

– Довольно-довольно! Герцог будет счастлив, что у нас такой любезный сосед. А вот мне очень неловко.

– Герцогиня, – сказал я уверенно, – что вы, как в лесу? Нужно жить, как и принято: по двойным стандартам!.. И жизнь будет полна удивительных открытий и временно запретных радостей. Надо ими пользоваться, пока запретные, а то потом запреты снимут, и все, конец, никакого щастя.

Глава 2

Я сам не понял, в чем дело, даже старательно поразмышлял на обратном пути в сторону бухты, почему это вдруг с такой страшной силой тянет к герцогине. Как-то странно притягательно действует эта вот застенчивость, стыдливый румянец, жаркий шепот и уверения, что такое вот делать нельзя, потому что это нехорошо и не принято.

И дело вовсе не в том, что у нее такое сладостно нежное мягкое тело, белое и жаркое, чем-то еще дивно хороша и удивительна, хотя когда отдается, так это здесь называется, то это просто чудо, я весь из себя...

Фицрой, как боевой конь, что взбодрился при звуках боевой трубы, носится по верфи, проверяя и перепроверяя, указывая и подгоняя, а когда увидел меня, лихо спрыгнул с лесов почти на высоте человеческого роста, красиво выпрямился, согнув ноги в коленях, но не спину.

– Уже? – спросил он. – Не снимая сапог?

– Грубый ты, – укорил я. – Нет в тебе романтизма и высокой духовной чувственности. У нас было расставание, как у Гектора и Андромахи или Меджнуна и Лейлы... ладно, забудь. Насчет коней и прочего уже?

– Нет, – ответил он, – я тут одного приспособил. Думаю, нам пора обзаводиться слугами. Ты как?

Я пожал плечами.

– Обходился как-то. А что, нужно для важности?

– И для нее тоже, – сообщил он. – Важность – это престиж и статус в обществе. Мы же люди, а какие люди без фанаберии?

– Одного на двоих?

– Зато какого, – ответил он. – Думаю, пригодится в дороге.

Я подумал, спросил:

– Понсоменера?

– С тобой неинтересно, – сказал он с досадой, – всегда опережаешь... Нужно как-то договориться с тобой говно есть...

Я поморщился.

– А еще глерд!

– Понсоменер, – сказал он уже серьезнее, – будет счастлив посмотреть мир. Он же никогда не покидал свою деревню!.. Не считая нашей авантюры на море. А нам коней расседлать-оседлать, костер развести, то да се... Он быстрый, как перепуганная мышь.

Я подумал, пытаюсь вспомнить лицо Понсоменера, и с удивлением понял, что никак не удастся.

– Понсоменер... Знаешь, на корабле я не обращал внимания, народу много, проблем еще больше... но сейчас что-то в нем сильно тревожит.

Он усмехнулся:

– Меня тоже.

– Так чего тогда?

Он пожал плечами.

– А разве не справимся? Зато исполнительный, как не знаю кто. Не очень уклюжий, но... как-то делает все быстро. А в дороге присмотришься к нему лучше.

– Ну да, – согласился я, – когда втроем, все на виду. Но все-таки...

– Да ладно, – сказал он. – Он не химера, я тебе говорю!.. Я химер кишками чую. Наверное, тоже под свет трех лун попал. И как-то выжил.

– Тоже, – повторил я, – это ты о ком? О себе?

Он поморщился.

– Ну что ты везде тайный смысл ищешь?.. О себе, о тебе или о ком-то еще – какая разница? Это так говорится. Ты же не попадал? Или попадал?

– А ты? – спросил я.

Он вздохнул.

– Ну вот, всегда переводить, чтобы не отвечать, а тебе все раскрывали и докладывали. Это нечестно. Ты раньше в тайном сыске не работал? Или в дипломатическом?..

– Вся жизнь наша, – сообщил я философски, – и тайный сыск, и дипломатия, и хрен знает что еще.

– Зато весело, – заверил он и, повернувшись спиной, заорал: – Понсоменер!.. Понсоменер!

Я покосился по сторонам.

– Где ты его видишь?

– У него хороший слух, – заверил он. – В Шмитберг будешь заезжать? А то если по прямой, на сутки короче... А вот и Понсоменер!

Я повернулся, молодой парень приблизился к нам так быстро и неслышно, что я даже не понял, как он это сделал, но уже стоит, опустив руки, лицо бессмысленное, словно исчез из этого мира, оставив перед нами только тело, а я старательно всматривался и начинал понимать, почему до сих пор не запомнил: запоминать нечего.

Ни оттопыренных ушей, ни длинного или короткого носа, вообще ничего в лице или фигуре выразительного. Более того, будто бы его вот таким вылепили из воска, а потом немножко подержали на солнце, отчего все чуть-чуть оплыло, потерялась четкость, и если отведешь взгляд от его лица, то уже не вспомнишь, какое оно.

Интересное свойство, мелькнула мысль. Некая защитная реакция организма, дескать, никого не трогаю, не обращайтесь и вы на меня внимания.

– Понсоменер, – сказал я.

Он чуть вздрогнул, посмотрел на меня добрыми коровьими глазами.

– Это я...

– Поедешь с нами, – распорядился я.

Он спросил несколько заторможенно:

– Далеко?

– В столицу, – ответил я.

– Значит, – проговорил он тем же сонным голосом, – еды взять на пять дней пути.

– Бери больше, – велел я. – Поедем втроем.

Он кивнул.

– Да, я знаю.

Я милостиво отпустил его кивком, надеюсь, у меня уже получают эти жесты, а когда он удалился, спросил Фицроя шепотом:

– Ты ему уже сказал?

Он хохотнул:

– Нет, конечно. Он сам догадался. Я же говорю, он смысленнее, чем выглядит. Когда рядом, то и приказывать ничего не надо. Чувствует, что нужно. Только соберешься что-то повелеть неожиданное, смотришь, а он уже сделал!

Я сказал с сомнением:

– Посмотрим-посмотрим. А то я могу такое повелеть...

Он посмотрел на меня с интересом:

– А вообще-то интересно будет посмотреть... Ага, он уже все приготовил!

Из далекой конюшни вышел Понсоменер, в поводу шестеро коней, трое оседланных, а трое, как понимаю, в запас. Я сразу вспомнил про умника, которому показалось медленным ездить на большой черепахе, и он для удвоения скорости купил еще одну.

Скорость наша с шестью лошадьми если и увеличится, то на самую малость, все-таки надо останавливаться, переносить седла на свежих, что тоже не совсем свежие, раз уж не из стойла, а скачут рядом...

Все мое имущество поместилось в небольшую сумку, у Фицроя и то больше, зато его мешок легче – одни наряды, а Понсоменер ничего не взял, ему и так хорошо.

Огромное оранжевое солнце, к которому почти привык, жаркими стрелами пробивает даже плотную рубашку. Поездки обычно начинают на рассвете, но Фицрой взглянул на меня, весело крикнул:

– Понсоменер!.. Вперед, Понсик!

Понсоменер молча тронул коня, а мы двинулись за ним на расстоянии в десяток шагов. Фицрой красиво и гордо покачивается в седле, но вдруг его лицо погрузнело.

– Какой ты мне меч подарил, – сказал он с тоской. – Эти сволочи в Карбере забрали!.. И не подумали отдать...

– Как не подумали? – спросил я. – Сам видел, как за тобой гнались, хотели вернуть.

Он посмотрел с укором:

– Тебе ха-ха, а мне горькие, как у мышонка в кошачьей лапе, слезки. Даже не знаю, никогда не успокоюсь. Такое сокровище в руках было... Слушай, ты же чародей, сделай еще один!

Я опешил.

– Ты чего? Как это сделать? Я не умею.

Он повернулся в седле так резко, что оно протестующе взвизгнуло.

– А как создаешь свои магические арбалеты? Я же вижу, сопишь-сопишь, а потом р#р#раз – и у тебя в руках!

Я сказал с сожалением:

– Фицрой, открою тайну как другу. Сил у меня, как у комара. Даже не самого крупного, а так... среднего. Я имею в виду чародейских сил. Создать почти ничего не могу, а что удастся, то исчезает почти сразу!..

Он открыл рот в изумлении.

– Я думал, это ты их... убираешь.

– Сами, – заверил я. – Чтобы никто не видел, как исчезают в руках, я их раньше закидывал в кусты. Если кто хочет, пусть ищет. Сейчас, правда, научился распылять, как ты говоришь, но это все равно лишь на минутку, а то и полминуты раньше, чем рассыпается само по себе!

Он сказал разочарованно:

– Вот как... А зачем сам?

– Чтоб видели, – пояснил я. – Когда я, то это я, а когда само – то это моя слабость и неумение удержать надолго. Понял?

– Да-а, – протянул он, – не хотелось бы, чтобы меч в бою превратился в воздух.

– Что-нибудь придумаю, – пообещал я. – Рубашка и штаны все еще служат тебе, уже хорошо!..

– Хорошо, – согласился он. – Рундельштотт настоящий чародей!.. Я буду беречь его шкуру лучше, чем свою, а то умрет, а я окажусь без штанов.

Он хохотнул, покачал головой.

– Я что-нить придумаю, – пообещал я. – Только Рундельштотту не говори. У него всякого там в сундуках, ящиках и под тряпьем хранится! Насобираю, как хомяк, все тащил в нору, уже и забыл давно.

– Я б о таком не забыл, – сказал Фицрой со вздохом. – Ни за что!

– Он отыскал для себя намного более важное, – сообщил я шепотом, – а мечи и прочие орудия убийства для него ерунда... Да только королева запретила в последний момент!

Он замолчал, дальше долго ехали молча, а я думал, что вообще-то можно бы еще что-то попытаться делать, кроме пистолетов, но действительно все упирается в мою крайнюю слабость как мага. Что толку, если все тут же исчезает? Даже если бы сумел создать бутерброд и тут же сожрать, исчезнет в желудке. Но может быть и еще хуже: начнет перевариваться и усваиваться, а потом из организма исчезнут такие нужные белки, жиры, углеводы и микроэлементы.

Ладно, еще не вечер. Сейчас о другом думать надо. Порталы куда важнее. Надо развивать умение создавать как можно быстрее и, желательно, не на шагжок, а подальше, подальше.

Вполне возможно, умение обращаться с магией развивается, как и все остальное у нас: то ли запоминать больше цифр, то ли поднимать штангу с большим количеством блинов.

Глава 3

Что Понсоменер умеет принимать решения сам, я убедился, когда он далеко впереди на красочной лесной полянке остановил коня, повернулся к нам в седле.

– Привал? – спросил он. – Место удобное.

Фицрой взглянул на меня с веселым выражением в глазах. Я захлопнул рот, как раз собирался напомнить, что надо дать коням короткий отдых, а самим неплохо бы перекусить.

– Привал, – ответил Фицрой. – Костер я сам, а ты делай все остальное.

– А я цветочки посмотрю, – сказал я. – Эстет я, знаете ли.

– Лучше вон за те кусты, – крикнул Фицрой вдогонку. – А то с той дует в нашу сторону. Вдруг да костер загаснет или мясо будет с запахом...

Я отошел подальше, чтобы и Понсоменер не увидел, сполз в пологую яму из-под выворотня и сразу начал сосредотачиваться. Если научиться создавать портал моментально, то этим можно спасти шкуру, пусть даже переместившись на шаг. Так уже получалось, помогло. А еще бы подальше, подальше... давай напрягайся, это как отжаться еще раз, когда уже упал мордой в землю, или поднять на бицепс в десятый раз двадцатикилограммовую гантель...

Рундельштотт говорил, что при создании портала нужно четко и ясно представить себе место, куда хочешь перенестись. Четче всего представляю свой диван, с которого смотрел футбольные матчи и бои супертяжеловесов.

Конечно, пробовал, но не только не переносит, но даже не вижу в том магическом зеркале. Зато могу представить свой замок в глордстве Остеранском, но и туда почему-то не, а вот за два шага – легко, даже если не представляю, а только так, восхожу.

Когда вернулся, Понсоменер посмотрел все так же сонно, лицо доброе и равнодушное, но взгляд какой-то не совсем такой, да и Фицрой фыркнул, но не стал спрашивать, не проглотил ли веревку за вчерашним ужином.

– Ладно, – сказал я сварливо. – Ну обломился, обломился!.. Не получилось. Капля точит камень. А я еще та капля...

По дороге к столице старались никуда не заезжать, мужчины должны уметь выживать в любом лесу, как учил великий Людвиг Гегельский, и мы вечером выбирали место у ручья под сенью деревьев на случай дождя, еды хватает в седельных суммах, до Шмитберга как раз опустошим.

В четыре дня не уложились, хотя могли бы, но приехать в полночь глуповато, потому вечером уютно и с удобствами устроились под раскидистым дубом, где расположились ужинать медленно и с удовольствием.

Понсоменер время от времени переставал жевать, прислушивался. Фицрой спросил:

– Эльфы бродят?

– Оборотень, – ответил он тем же ровным голосом, словно говорил о рыбках в ручье. – Огромный. Таких даже не видел... Давно.

Фицрой протянул руку к рукояти меча.

– Собирается напасть?

Понсоменер покачал головой.

– Нет, нас не видит. И вообще уходит в другую сторону.

Фицрой посмотрел с понятным намеком на меня, я спросил:

– А как его видишь ты?

– Не глазами, – ответил Понсоменер. – Ветерок с той стороны, а по запаху все тоже видно. Хоть и не так, но как-то вот иначе.

Фицрой сказал знающим тоном:

– В наших лесах такие тоже водятся. Их называют волкодлаками, но какие они волки, если крупнее медведей?.. И зубы у них, ох и зубы! Бревна перекусывают!..

Я зябко передернул плечами.

– Давайте спать. В столицу должны въехать бодрыми и свежими, как птички.

– Спим, – согласился и Фицрой, – птички.

Заснул он моментально, Понсоменер на минуту позже, а я еще лежал, прикидывая что и как на будущее, здесь столько дел, а я могу так много, что если бы не спать вовсе, такого бы наворотил.

Глаза начали слипаться, как вдруг холодок проник под плащ, которым я укрылся по примеру Фицроя, коснулся сердца и потек по всему телу.

На той стороне костра кусты раздвинулись странно бесшумно, я видел только темный силуэт, а потом в освещенное костром пространство вступил исполинский волк размером с крупного медведя, только голова крупнее медвежьей, глаза горят, как багровые уголья, а в пасти клыки, как длинные ножи.

Он пошел прямо на костер, взгляд уперся в меня. Я сжался, мелькнула трусливая мысль, что все животные боятся огня, волков отпугивают горящими ветками... однако громадный волк не отводил от меня взгляда, на той стороне костра разом припал к земле, готовый взметнуть тяжелое тело в прыжке...

Опомнившись, я выставил оба кулака и, заставив себя сосредоточиться на броневой-разрывных с магниевыми наконечниками, сжал рукояти и с силой надавил на скобы, а потом еще и еще.

Грянули выстрелы, руки трянуло по самые плечи. Зверь уже начал подниматься в начале прыжка, но лапы еще не оторвались от земли.

Шерсть на груди в двух местах разлетелась в стороны, я успел увидеть две дыры, в каждую пролез бы мой кулак, но продолжал нажимать на курки.

Зверь ощутил неладное, даже попытался попятиться, но две пули успели ударить в голову в тот момент, когда он поворачивался в сторону стены леса.

И все-таки чудовищная живучесть позволила ему скрыться в чаще, а здесь Фицрой с плотно сомкнутыми веками ухватился за меч, вскочил, шатаясь и хватаясь за воздух, и тогда лишь распахнул глаза.

– Что случилось?

Голос был хриплый и еще сонный, я ответил с сильно стучащим сердцем:

– Да заходил тут один.

– Что он хотел?

– Перекусить, – ответил я.

Фицрой посмотрел на меня, на приподнявшегося на локте Понсоменера, покрутил головой, начиная догадываться, кто именно приходил к костру.

– Ты его не угостил?

– Хотел было, – ответил я, – но ты так сладко спал...

– Свинья, – ответил он сердито. – Мог бы Понсоменера предложить. У него мясо моложе.

Понсоменер уже пошел от костра в ту сторону, исчез надолго. Фицрой начал поглядывать обеспокоенно, я проверил как там лошади, но они, странное дело, не обеспокоились слишком уж, хоть и пофыркивали, настобурчивая уши, словно чудовищный волк им ближе, чем мы, двуногие...

Прошел без сна почти час, кусты раздвинулись неслышно, Понсоменер вышел из темноты и бросил у костра на землю целую охапку вещей, где помимо богатого камзола, брюк и сапог еще и пояс с кинжалом в ножнах, длинный меч со зловеще поблескивающими рубинами в рукояти и широкополая шляпа с перьями.

– Хорошая добыча, – заметил Фицрой. – Шляпа совсем новая.

– Это его, – пояснил Понсоменер. – Живучий какой!.. Уже почти мертвый, но сперва мчался, потом полз... Я подождал, пока перестанет дергаться. Значит, выходит ночью развлекся. Бывают такие. Слышал.

– А где конь? – спросил Фицрой.

– Коня не оказалось, – ответил Понсоменер и взглянул на меня, каким-то чутьем понимая, что Фицрой смолчит, а я отвечу.

– Значит, – сказал я, – его жилище близко. Человек достаточно зажиточный, если судить по одежде.

– А меч? – сказал Фицрой с восторгом. – Посмотри, какое чудо? Вы богатые, а я худой и бедный, возьму-ка себе, чтобы хоть немного утешиться.

Понсоменер молча лег и укрылся плащом. Я вздохнул, покачал головой.

– Слишком приметен. Могут возникнуть вопросы, откуда взял.

– Тогда спрячу, – сказал Фицрой с неудовольствием, – а продам, когда отъедем подальше.

– Но по дороге в столицу не вытаскивай, – предупредил я. – Вообще сунь в мешок. Когда въедем в Нижние Долины, тогда вытаскивай, но все-таки лучше продай в самом Сан-принге. Город большой, народу много.

Утром после завтрака выехали из леса, и почти сразу на глаза попался в долине не то чтобы роскошный, но добротный дом, только заметно обветшалый, хотя ремонт нужен минимальный: там подправить, там подкрасить, но, похоже, хозяев такие мелочи не волнуют, от чего я сразу ощутил к ним симпатию. Сам не выношу хозяйственные хлопоты, а здесь, похоже, живут вообще артистические натуры...

Перед домом на зеленой лужайке играют трое детей, мальчик лет пяти и две девочки, из беседки за ними наблюдает молодая женщина, по ее добротной и даже богатой одежде можно понять, что не служанка, а сама хозяйка и наверняка мать этих нарядных детей.

Чем ближе мы подъезжали, тем сильнее охватывало очарование этого милого уютного места, словно в самом деле семья художников сбежала из тесного грязного города и поселилась здесь, в таком уютном месте, где и лес рядом, и небольшая речушка прямо в десяти шагах от стены дома, и прекрасный вид на далекие горы с грозно блещущими в лучах двух солнц пиками.

Я пробормотал:

– Трудно поверить, будто вурдалак жил здесь.

– И был главой семьи? – спросил Фицрой. – Все мы стараемся скрывать от семьи свою суть. Женщины могут не понять такого артистизма. Всем почему-то надо, чтобы сидели дома, однако добычу давай!

– Настоящий мужчина, – согласился я. – Не удивлюсь, если в паре соседних деревень найдутся детишки, похожие на этих как две капли воды.

– А почему нет? – спросил Фицрой. – Если столько возможностей? Жена есть жена, а жизнь есть жизнь...

Дети первыми увидели троих всадников, бросили играть и уставились на нас большими любопытными глазами. Женщина подняла голову, я залюбовался чистым одухотворенным лицом, красивой фигурой, а ощущение сдержанной красоты, элегантности и достоинства стало сильнее.

– Я не могу сказать о ее муже, – прошептал я. – Кто сможет, говорите сами...

Она поднялась, а я покинул седло, торопливо подошел к ней и учтиво поклонился.

– Глердесса...

Она с милой улыбкой протянула руку, я поцеловал тонкие изящные пальцы.

– Простите, глердесса, мы немного сбились с пути, стараясь не следовать за всеми изгибами этой сумасшедшей дороги... Я глерд Юджин, а это глерд Фицрой и наш компаньон и ученик Понсоменер...

Она засмеялась тихо и мелодично:

– Да, дорога здесь древняя! Когда-то огибала болота, но те высохли, однако люди продолжают по накатанной... Я глердесса Анская, это мои дети. Могу я вам предложить позавтракать с нами?..

Мы с Фицроем переглянулись, он промолчал, я сказал с натугой:

– Если только напиться...

– И по чашке вина, – уточнил Фицрой. – Коням можно воды, они еще дети.

Она снова засмеялась так мелодично, словно мелкие серебряные колокольчики посыпались на пол, вышла из беседки. Дети бросились к ней, она сказала весело:

– Все в дом!.. У нас гости!

Фицрой сказал галантно:

– Если только не затрудним...

Она покачала головой.

– Вы не представляете, как иногда хочется в город, где много людей, шум, рынки, суета!

– Не может быть, – охнул Фицрой. – Здесь такое волшебное место...

Она кивнула:

– Да, из города убегаю уже через три дня. Потом полгода наслаждаюсь здешним покоем. А затем начинается снова...

Дети помчались с веселыми воплями к дому, мы с Фицроем сопровождаем хозяйку, держась от нее по обе стороны, а Понсоменер, приотстав на пять шагов, молча ведет наших коней.

Фицрой начал говорить хозяйке любезности, я старательно придумывал, как сказать то, ради чего мы здесь, наконец промямлил:

– А ваш муж... занимается хозяйственными книгами... в доме?

Она посмотрела искоса и с интересом.

– Почувствовали, что он хозяйственный?.. Да, он обожает заниматься промыслом. У нас три деревеньки, все дают хороший доход. Муж следит, чтобы крестьяне ловили рыбу в реке и озере, валили лес на продажу, разводили скот не просто так, а на какой повысился спрос на рынке... Вчера выехал по торговым делам, обещал сегодня к обеду вернуться.

Дети вбежали в дом, а навстречу красиво и царственно вышла молодая девушка, на лице приветливо сияющая и чуть напряженная улыбка, чувствуется, что ее только учат, как держаться в обществе.

Глердесса произнесла с гордостью:

– Моя старшенькая... Уже на выданье. Скоро повезем в столицу, пора присматривать жениха... Милая Винелла, это наши гости, глерды Фицрой и Юджин, а также их ученик Понсоменер...

Винелла церемонно поклонилась, и хотя получилось чуточку неуклюже, но зато с такой невинной девичьей грацией, что даже у меня в груди защемило, а Фицрой охнул и схватился за сердце.

– Здравствуйте, – проговорила она мило, на щеках выступил стыдливый румянец, – будем вам рады.

Фицрой воскликнул с жаром:

– А как мы рады! Можно сказать, счастливы!

Румянец на ее бледных щеках аристократки стал жарче, поднялся к дивным лучистым глазам и сполз к кокетливо приподнятому подбородку.

– Ой, – сказала она, – проходите в дом... Мама, я все правильно сказала?

Глердесса кивнула с гордым видом:

– Да, милая. Учись принимать гостей. Когда-то я не буду стоять за твоей спиной.

Девушка грациозно присела, придерживая кончиками пальцев платье справа и слева, так что все это выглядело как элемент красивого танца.

– Прошу вас в дом.

В холле опрятно и чисто, свет падает через широкие окна, никаких решеток, заходи и бери, как говорят в пугливом народе, но здесь то ли беспечные, то ли их все любят и никто грабить даже и не пытался.

Из боковой двери слегка пахло кухонным теплом и вкусными запахами вареной баранины, лесных корешков и чем-то вроде сдобных пирогов, но глердесса провела дальше в зал, чисто и светло, изысканная мебель, картины на стенах, а под дальней – большой камин, где достаточно бесцельно, хоть и красиво горят толстые поленья.

– Располагайтесь, – сказала она с улыбкой. – Обед будет готов через полчаса. Винелла вам принесет.

Фицрой изумился:

– А слуги?

Она ответила с некоторой неловкостью:

– Наши обычаи вам покажутся странными, но мы слуг не держим. В доме все обязаны делать сами!.. И готовить еду, и шить, и убирать. Достаточно и того, что крестьяне поставляют нам фрукты, овощи, птицу и рыбу. Да, животных они сами режут и привозят готовые туши, потому что я не смогу зарезать даже курицу... Но ощипать, выпотрошить и приготовить – это мое.

Винелла улыбнулась застенчиво:

– А я, когда не успеваю, прошу привозить уже ощипанными и выпотрошенными. Но готовлю уже сама.

Фицрой сказал пораженно:

– А... зачем?

– В жизни все пригодится, – ответила глердесса с твердостью. – Женщина обязана быть помощницей мужчине, а не сидеть у него на шее. В жизни все может случиться: война, нашествия, мятежи. Имение у нас могут отнять, но это не значит, что мы тут же помрем от голода и отчаяния!.. Но мы что-то заговорили на слишком серьезные темы, а в такой прекрасный светлый день нужно жить и радоваться... Винелла, иди сюда, не прячься за мамой. Ты уже достаточно взрослая.

Винелла вспыхнула жарким румянцем, жутко застеснялась, видно, как страстно хочется пообщаться с красавцем Фицроем, но не умеет и не знает как, чтобы не уронить достоинство, а мать смотрит с насмешливым сочувствием.

– Мама, – проговорила она умоляюще, – я же не прячусь, я тут просто стою...

Глердесса, сжавшись, сказала мягким голосом:

– Расскажи молодым глердам, как вы с детьми собирали цветы. Или спой, у тебя чудесный голос... Вот глерд Фицрой точно не откажется послушать.

Винелла застеснялась еще больше, жаркий румянец перетек даже на шею и поднялся к ушам, что стали совсем алыми, почти засветились нежным пурпурным цветом.

– Мама, – сказала она умоляюще, – тебе только кажется...

– Мама всегда права, – сказал Фицрой твердо, чем заслужил признательную улыбку глердессы. – Милая Винелла, мы ждем с нетерпением и томимся мукой сладкой в предвкушении... в предвкушении!

Глава 4

Пока она пела, Понсоменер вошел в зал, в одной руке лук с уже наброшенной тетивой, в другой руке стрела, а колчан с остальными за спиной.

Он так и остался у порога, тоже словно заслушавшись, но я видел, как его сузившиеся глаза следят то за глердессой, то за дочерью. Я насторожился, но Винелла поет так нежно и сладостно, что снова заслушался невольно, чувствую, как сладкое тепло охватывает душу, а глердесса смотрит на меня с такой нежностью, словно я...

Она вскрикнула, я вздрогнул, приходя в себя. Глердесса со стрелой в груди ринулась через весь зал громадными прыжками к Понсоменеру, а он, быстро-быстро двигая руками, всадил в нее еще три стрелы, и тут она в громадном прыжке взвилась в воздух и обрушилась на него с растопыренными руками, где на укоротившихся пальцах уже появились когти, и с жутко оскаленной мордой.

Винелла, вскрикнув, метнулась на Фицроя. Я сбросил оцепенение, в ладони впечатались рукояти пистолетов, и, сцепив зубы, открыл стрельбу в тварь, что секунды тому назад была глердессой.

Она свалилась на бок, дрыгая лапами, я повернулся с пистолетами к борющимся Фицрою и Винелле. Она с рычанием тянулась к его лицу, жутко щелкая громадными зубами, а он обеими руками удерживал ей голову в дюйме от своего носа.

Лапами она драла ему грудь, верхняя одежда уже в клочьях, но под нею та, что я купил для горнолыжников, даже пуля не пробьет, когти скользят, как по стеклу...

Я присел и всадил в нее две пули в бок, а потом две в голову. Рычание стало тише, Фицрой с усилием свалил ее, рукавом вытер закапанное ее слюнями лицо.

Его трясло, он не мог сказать слова, только шлепал губами. И тут распахнулась дверь детской, оттуда выметнулось еще три зверя, поменьше.

Понсоменер как будто ждал, три стрелы одна за другой ушли в того, что был к нему ближе. Я безостановочно стрелял в бегущего на меня, и он, весь в крови, упал мне под ноги, продолжая прожигать меня лютым взглядом и щелкая зубами.

Фицрой насадил на клинок третьего, самого мелкого, тот прыгнул достаточно глупо прямо на блестящий меч.

– Вот и весь выводок, – проговорил я вздрагивающим голосом. – Полная зачистка, будь она неладна.

Понсоменер, не глядя на распростертых в лужах крови детенышей, перевернул старшего зверя и начал деловито высвобождать из его тела стрелы. Мои пули, как я понял виновато, всего лишь добили чудовище, а вообще-то Понсоменер справился и без меня.

– Ты молодец, – сказал я, – очень даже... Как я мог не почувствовать? Что за дурак, дал себя околдовать...

Он сказал ровным голосом:

– Они таились очень хорошо.

Фицрой, припадая на левую ногу и опираясь на меч, доковылял к нам, лицо виноватое, в глазах боль и стыд.

– А какие были нежные, трепетные, – проговорил он, голос у самого трепетал, как бабочка на ветру. – Я же почти влюбился...

– Женщины все такие, – утешил я. – Думаю, барон тоже был интеллигентным, вежливым и учтивым собеседником. Именно тот случай...

– Какой?

– Поскреби интеллигента, – пояснил я, – такое обнаружишь... Ты как, цел?

– Не совсем... Можно сказать, убит...

– Убит? Как?

– Прямо в сердце, – ответил он стонуще. – Я был уверен, что вот нашел свое счастье...

А счастье было так близко, так возможно... и так возможно, и вот так возможно...

Я зябко передернул плечами.

– Странно другое.

– Что?

– Я ничего не почувствовал, – признался я. – Никакой опасности.

– А Понсоменер чувствовал, – сообщил Фицрой. – Он, еще когда шли в дом, шепнул мне, чтобы держал все оружие, что у меня есть, при себе и наготове. Но я, дурак, не послушался.

Я покачал головой.

– Я не такой чувствительный. Если меня хотят убить, только тогда в задницу кольнет. Но на этот раз было тихо.

– А если и не собирались убивать? – спросил он. – Тихо и мирно жили, своей сути не выказывали. Может быть, барон шалил по ночам тайком даже от семьи?

Я задумался, такое напрашивается, явно они не питали к нам вражды. Во всяком случае, немедленно напасть не собирались, я бы почуял. И вообще мы им нравились... Хотя, конечно, могли нравиться, как хорошая еда, даже лакомство.

Понсоменер вышел из соседней комнаты, в руках куча праздничной одежды, на руку по локоть нацепил штук десять золотых цепей.

– Своих крестьян не трогал, – подтвердил он, – только проезжающих мимо. Вот награбленное.

Фицрой поинтересовался:

– Может, покупал в городе?

Понсоменер покачал головой:

– Нет. Чую. Это все от разных людей. Вот эту цепь сорвали с еще живого. А эти уже с трупов. Кровь стерта, но чую.

– Брал только то, – определил я, – что его не выдаст! Окровавленную одежду или чужие сапоги не приносил даже домой. Ладно, поехали отсюда.

Когда вышли из дома, Понсоменер оглянулся, но ничего не сказал, но Фицрой понял, покрутил головой.

– Тоже хотел поджечь, но это неинтересно и грубо.

– Верно, – согласился я, – на пожар нужно любоваться, это красивое и величественное зрелище, а не просто поджег и уехал. Кстати, там как раз обед для нас приготовили...

Фицрой вскрикнул:

– Ты что? Какой обед?.. Да я теперь неделю есть не смогу! Как вам не стыдно, грубые вы люди, только услышали запах жареной баранины, так сразу...

– И похлебка наваристая, – сказал я. – Аромат даже здесь с ног сшибает.

Фицрой сказал твердо:

– Не стану!.. Не смогу!.. Это как-то совсем нехорошо. Как можно вообще есть после того, что случилось?.. Ладно, уговорили, но только одну ложку...

После обеда он последним поднялся в седло, весь раздувшийся и сытый настолько, что вот-вот упадет с коня и заснет, а мы с Понсоменером погнали коней к дороге, а там повернули на столицу.

Без приключений добрались до Готверга, оттуда поднялись по реке Дорнес к столице Дронтари, славному и роскошному городу Шмитбергу.

Городская стража плату берет только с возниц, да и то груженных, мы свободно проехали втроем через город прямо к королевскому дворцу. Стража тут же вызвала дежурного

офицера, тот со всеми знаками внимания провел в главное здание, там передал с рук в руки начальнику охраны, а тот повел наверх в сторону королевских покоев.

Фицрой отправился навестить знакомых придворных, захватив с собой Понсоменера, а меня оставили ожидать в общем зале.

Я прислонился к колонне, почему-то в таких залах никогда не бывает стульев, даже простых лавок. Глерды богатые и очень богатые прогуливаются группками, сверхбогатые либо по двое, либо в одиночку, вижу немногих женщин, эти на выпасе под бдительным оком мужей, пара милых красоток, застывшие гвардейцы по обе стороны двери...

Две женщины, проходя мимо, улыбнулись, я ответил легким и ни к чему не обязывающим поклоном. Они тут же остановились, первая прошептала:

– Вы и есть тот таинственный глерд, что появился из ниоткуда и которому король подарил замок?

Я ответил так же легко:

– Хотел бы из ниоткуда, это таинственно и загадочно, однако, увы, я из Нижних Долин прибыл к его величеству королю Астрингеру. Видимо, я хорошо выполнил поручение моей королевы Орландии, потому меня и одарили так щедро.

Они переглянулись, вторая сказала нарочито капризным голосом:

– Но вы все равно таинственный незнакомец! Так интереснее. Кого из нас вы намерены похитить и утащить в свое темное логово в дремучем лесу?

Я пробормотал:

– Ну почему же сразу в лес... Я не настолько дикий, лучше утащу на сеновал, это ближе и удобнее... А обеих можно?

Они расхохотались, а я вдруг ощутил холод между лопатками. Продолжая улыбаться, повернулся медленно, вдоль стены четверо глердов, никто не смотрит в мою сторону, но впечатление такое, что вон тот и вон тот отвернулись только что.

Волна острой неприязни идет вон от того толстяка, что не столько толстяк, как очень крепкий и мускулистый мезоморф.

Я указал на него взглядом:

– А кто вон тот человек?

Женщины посерьезнели, переглянулись. Первая сказала упавшим голосом:

– Так вы все поняли? Или знали?

Я улыбнулся шире:

– А вы намерены хранить тайну?

Первая сказала тихо:

– Ну что вы, глерд... Какая женщина способна хранить тайны? Особенно в постели...

Я сделал радостное лицо.

– Тогда нужно воспользоваться, пока вы женщина...

Она ответить не успела, сзади кто-то крепко взял за локоть, я уже по хватке узнал начальника охраны дворца.

– Глерд Юджин, – сказал он строго, – пойдете. Его величество ждет!

Я улыбнулся женщинам, дескать, в другой раз, а он властно повлек меня через зал, а потом еще через два, и везде я чувствовал себя в центре внимания.

Человек, которого король одаряет так щедро, сразу вызывает жгучий интерес как у собственно местных придворных, так и прибывших из города зрелых дам, присматривающих перспективных женихов для подрастающих дочерей.

Гвардейцы у двери короля окинули меня оценивающими взглядами, а слуга торопливо распахнул обе половинки двери.

Король прохаживается вдоль стены с широкими стрельчатыми окнами во двор, руки заложил за спину, походка деловая, брови сдвинуты над переносицей, но при виде меня заулыбался.

– Глерд Юджин!.. Что привело вас? Говорите, все для вас!

Я выставил ладони в протестующем жесте.

– Ваше величество, абсолютно ничего. Я отправляюсь в Нижние Долины, нужно все же сказать ее величеству, что вы предупреждены и готовы встретить армию Антриаса во всеоружии.

Он посерьезнел, кивнул.

– Верно, так ей будет спокойнее. Да и не наделает глупостей. Или она в вас не может усомниться?

Взгляд его стал острым, я ответил вежливо:

– Как и вы, ваше величество. Я не обеспокоен борьбой за выживание, потому могу позволить себе роскошь быть честным.

– Вы останетесь там... надолго?

Паузу он сделал нарочитую, чтобы на два вопроса в одной фразе можно было дать и два ответа.

– Как только, – ответил я, – так сразу. Мне делать там нечего, в моем замке преспокойно обходятся и без меня, а я навещу своего старого учителя, мастера Рундельштотта, и тут же вернусь. Хочу заодно сообщить, что силы Гарна и Пиксии на море не так уж и ого-го.

Он насторожился, понизил голос.

– Вы... уже проверили?

– Да, – ответил я. – Ваш Вэнсэн Ваддингтон наверняка скоро прибудет и предоставит более полный ответ. Он был с нами в Карбере, лично кого-то зарубил, а потом участвовал в потоплении десятка гарнских кораблей. Или двух десятков, кто эту мелочь считает?

Он охнул.

– Было... сражение?

– Не с нами, – сообщил я тихо. – Какие-то морские разбойники вторглись в воды Гарна, разгромили пристань, сожгли корабли и уплыли. Ваше королевство ни при чем. Я хочу еще раз сказать, что мы можем нарастить преимущество за счет более высокого уровня техники. Продержаться нужно не так уж и долго, еще два-три месяца, и выйдем на другой уровень.

Я говорил бодро и уверенно, на какой уровень, не сказал, пусть король думает свое, а я свое, даже от друзей должны быть тайны, а короли вообще друзьями быть не могут.

Он сказал с сожалением:

– А вы в такое время должны возвращаться к нашей кузине Орландии...

– Я свою роль выполнил, – согласился я, – но пусть королева получит подтверждение, что меня не прибили по дороге разбойники, что все передал вам и что теперь Антриаса ждет разгром.

Он кисло улыбнулся:

– Да, женщин нужно успокаивать, даже если они на троне. Хорошо, глерд Юджин...

Я ответил на его невысказанный вопрос:

– Ваше величество, мне нужно еще и кое-что забрать из моих личных вещей, так как намереваюсь вообще переселиться в Медвежий Коготь, великодушно подаренный вами, всерьез и, возможно, надолго.

Он широко заулыбался:

– Все шутите? Это ваш замок, ваши земли и ваши деревни.

– Спасибо, ваше величество. Я обернусь быстро.

– Глерд, я рад. Возвращайтесь поскорее!

– Как только, – ответил я с поклоном, – так сразу. Ваше величество, я с вашего разрешения отправлюсь сегодня же. К сожалению, не могу попробовать ни вашего прекрасного вина, ни ваших красоток, что намного раскованнее, чем в Нижних Долинах.

Он улыбнулся:

– Хотя наши королевства и рядом, но теплое южное море и жаркое солнце влияют на мораль. А дальше на севере, как я слышал, вообще все строго и праведно, мухи дохнут. Возвращайтесь поскорее, глерд!

– Спасибо, ваше величество. Еще раз заверяю вас, преимущество на море завоевать нетрудно. Несколько больших кораблей с правильно поставленными парусами – и можем вести бой, когда изволим, а если восхотим выйти из сражения, никто не догонит наши быстроходные суда!

Он слушал внимательно, кивнул.

– С нетерпением жду прибытия Ваддингтона.

– Он расскажет, – сказал я скромно, – что мы с палубы корабля сумели нанести огромный ущерб порту и всем складам, но, увы, это ничего не решает. Даже полное господство на море не решает!

Он вскинул брови.

– Глерд?

– В ответ на успехи вашего величества на море, – сказал я, – Гарн может вторгнуться с армией на суше. А если еще снова сговорится с Пиксией...

Он помрачнел, вздохнул.

– Да, флот не спасет... Будем таиться.

– Вечно таиться не удастся, – сказал я. – Будем искать острова в океане. Пригодные, чтобы там заложить базу. Тайную базу. И уже оттуда совершать набег!

Он подумал, лицо посветлело.

– Понятно.

Я сказал с великой неохотой:

– Ваше величество, когда мы там обоснуемся, нас либо уже раскроют, либо... либо вы сможете первым заявить, что глерд Юджин где-то построил корабли, но вы за него не отвечаете. Даже можете пригласить международную комиссию... имею в виду гарнцев и пиксийцев, пусть проверяют всю береговую линию.

– А ваш нынешний тайный порт?

– Там мы все уберем, – сказал я великодушно. – В любом случае это не важно. Мы все делали тайно от вас, так что Гарн не сможет вас обвинить. Кстати, ваше величество, нам понадобится больше парусины... Если у вас не знают, что это, то даже лучше. Само слово «парусина» лучше не употреблять. А так просто плотная льняная ткань. Грубая, что значит толстая. Для прочности... Хотя нет, лучше из конопли. Из конопли крепче. Отталкивает влагу и не портится от морской воды... Побольше.

Он кивнул.

– Глерд, я все сделаю. Даже с радостью.

– Ваше величество?

Он чуть улыбнулся:

– Ваш заказ говорит, что вы не возвращаетесь в Нижние Долины... надолго.

– Кстати, ваше величество, – сказал я, – как стратег, увеличьте поля под коноплю. Парусины понадобится намного больше. Намного.

Глава 5

Фицрой изумился, что покидаем город через пару часов после того, как въехали, но ничего не стал спрашивать, для него дорога интереснее, чем любая из столиц, а Понсоменер, казалось, вообще не заметил, что мы из дремучего леса переместились в скопище громадных зданий из гранита, а потом так же быстро оказались снова в лесу и под нами не сиденья стульев, а поскрипывают кожаные седла на конских спинах.

Дорога широкая и прямая, копыта бодро стучат по сухой и твердой земле. Фицрой поерзал, оглядывая окрестности, сказал пророчески:

– Вот по этим дорогам пойдет армия Антриаса. Как думаешь, когда?

– Не знаю, – ответил я.

Он обернулся к Понсоменеру.

– А ты как думаешь?.. А, ладно... Ты же никогда не думаешь, тебе и так неплохо. Знал бы, как я тебе завидую. Мне кажется, у Антриаса уйдет месяц на подтягивание войск только к границам Нижних Долин, все-таки топать со всех концов королевства, потом переговоры с королевой Орландией, это тоже не один день, она крепкий орешек, потом движение по двум дорогам на юг...

– Почему по двум, – сказал я, – там еще две-три. Даже я знаю. И не намного хуже.

Он отмахнулся.

– Ему же надо держать армию в узде. Если начнут грабить всех по пути, нижнедолинцы возмутятся, вспыхнет полноценная война, а она ему нужна?

– Верно, – согласился я. – Да ты прям стратег!

Он продолжил, не обращая внимания на иронию:

– Ему вообще хотелось бы вести всех по одной, чтобы держать в железном кулаке, но тогда армия слишком уж растянется.

– Здесь хорошая дорога, – заметил я. – Торговцы Нижних Долин и Дронтарики укатали, молодцы. Единственная задержка будет с гуцарами, да и то не думаю, что надолго.

– Вторая дорога такая же, – сообщил он.

– Откуда знаешь?

Он в изумлении округлил глаза.

– О ней даже Понсоменер знает!.. Знаешь? Вот видишь, молчит, знает.

– И тоже через земли гурцаров? Кстати, а как торговцы проходят?

Фицрой посмотрел на меня, как на дитя.

– Торговцы везде проходят. Только товары становятся чуть дороже. Гуцары с торговцев получают немалые деньги. Сами они народ бедный, земли никуда не годятся, но такая пошлина дает им возможность как-то жить.

Свежие кони идут бодро, с готовностью переходят в галоп, между Дронтарией и Нижними Долинами не только хорошие укатанные дороги, но и неплохие постоянные дворы с трактирами.

Мы двигались без приключений, задержались ненадолго уже перед самым Санпрингом, под Фицроем захромала лошадь, пришлось остановиться и заменить подкову, а затем пересечь на запасную.

Все чаще между деревьями виднеются домики в окружении сада, аккуратные ломти огородов, отары овец на склонах холмов и тучные стада коров, по дорогам тащатся тяжело нагруженные подводы и телеги.

Белые, словно алебастровые, башни Санпринга поднялись незаметно, маскируясь под белые облачка. Городская стена смотрится настолько праздничной, что я не удивился,

увидев на городских воротах вывешенные красные полотнища с золотыми львами, леопардами и прочими чудовищами, а дальше по стене несколько знамен с теми же мордами зверей.

По ту сторону распахнутых ворот аккуратные и добротные дома из красного кирпича, очень красиво, но сердце мое застучало чаще при виде чудо-дворца за высокой оградой, там десяток зданий соединены на большой высоте такими изящными воздушными мостиками, что даже смотреть вот так снизу страшно.

Гвардейцы у ворот королевского сада, завидев нас, засуетились, один ринулся навстречу, другой помчался в караулку. Тот, что бежал к нам, с разбегу ухватился за стремя моего коня.

– Глерд!.. Велено, как только появитесь, срочно препроводить вас к ее величеству.

Я нахмурился.

– Препроводить?

Он поспешно поправил себя:

– Простите, проводить!.. С честью. Со всеми знаками внимания и подобающей учтивостью. Что-то очень срочное, глерд.

Я подумал, что «проводить с честью» тоже звучит двусмысленно, но придираться не стал, поинтересовался:

– Так и сказали?

– Нет, но... чувствуется.

Из караулки выскочили двое глердов в сияющих доспехах, замахали руками, ворота немедленно распахнули перед нами во всю ширь.

Офицер выбежал навстречу.

– Глерды, вас ждут в главном... Можете не слезать, вас просили немедленно, как только появитесь...

Фицрой пробормотал:

– Я вообще-то могу на коне и в здание... Это же здорово, потом всю жизнь хвастаться. В королевский дворец! Это не в крестьянский сарай...

Я пустил коня в галоп, впереди поспешно дают дорогу, даже стражники отпрыгивают в стороны. Вблизи здания я вынужденно перевел коня на рысь, а безбашенный Фицрой тут же с готовностью опередил.

Перед нами распахнули широкие ворота главного здания дворца, Фицрой нахально направил коня вовнутрь прямо в холл, подковы звонко зацокали по мраморному полу.

– Не хамя, – крикнул я вдогонку, – мало ли что там.

Он крикнул весело:

– Вдруг кто палец в носу сломал?

– Вот-вот, – согласился я. – Дело серьезное. Не до хаханек.

Он заставил коня попятиться, а затем, как и я, покинул седло на пороге. Я передал, не глядя, повод за спину.

Со второго этажа по лестнице, звонко стуча подошвами, сбежал в холл Картер, злой и расстроенный, даже доспехи блестят как-то тускло и невыразительно.

– Глерд Юджин, – сказал он быстро. – Вы весьма кстати. Пойдемте со мной.

– Не в кабак, надеюсь? – спросил я. – А то знаю вашу столичную жизнь. Все не как у людей... Что случилось? Вижу, меня ждали. Но я вроде бы не обещал скоро вернуться.

Он хотел помчаться по лестнице через ступеньку, но я пошел обычным шагом, он вынужденно остановился, ожидая.

Я поинтересовался размеренным голосом:

– Руперт, что стряслось? Говорите.

– Может, – ответил он быстро, – лучше, когда вам у королевы все объяснят?

– Ого, – сказал я, – у королевы... Нет, Руперт, все-таки лучше, если расскажете вкратце по дороге. Чтобы перед светлы очи ее величества я предстал более готовым. Вы же мне как бы не враг? И хотите быть полезным самодержавию и деспотическому народному режиму либеральной автократии?

Он сказал нервно, но огляделся и понизил голос:

– Я ваш друг!.. Дело в том, что... принцесса исчезла! Но это пока секрет.

– Ого, – сказал я ошеломленно. – Адрианна?

Он прошипел сердито:

– Не останавливайтесь, глерд, не останавливайтесь!.. Да, Адрианна. Сейчас во дворце начинается паника.

Я оглянулся.

– Не заметил...

– Большинство еще не знают... А кто знает, тот места себе не находит. Быстрее, глерд, не отставайте.

– Откуда она исчезла? – спросил я. – Прямо из ее покоев?

Он покачал головой.

– Ездил навещать больную тетушку в ее замке близ города. Конечно, в сопровождении охраны.

– Похитили по дороге?

Он покачал головой.

– Хуже. Прямо из замка.

– А тетушка?

Он покачал головой.

– Глерд... это было ужасно.

Мы торопливо поднялись по лестницам, гвардейцы перед дверью кабинета королевы поспешно отступили в стороны, а слуга в коридоре быстро распахнул перед нами обе половинки.

Картер остался, я перешагнул порог и дернулся. В кабинете расположились все члены Тайного Совета королевы, и чувствуется – воздух накален, у всех встревоженные и злые лица.

Королева у своего тронного кресла уперлась обеими руками в столешницу и чуть наклонилась, лицо бледное от ярости, глаза сузились, но когда все в ее кабинете обернулись на стук двери, я ощутил некую волну облегчения.

Это не то, что вот этот тип придет и всех спасет, а что весь гнев теперь падет на него, так как королева выплеснула еще не всю ярость.

Я поклонился с порога.

– Ваше величество...

Она нетерпеливым жестом велела мне найти место за столом, перевела взгляд на Иршира.

– Дальше, глерд!.. Вы всех слуг допросили?.. А тех, что ездили в села за продуктами?

Иршир, бледный и расстроенный, стоит виноватый настолько, что уже не выглядит, как обычно, здоровым и крепким, а теперь можно подумать, что его сжигают хвори.

– Ваше величество, – сказал жалким голосом, – в замке герцогини убиты все слуги! Допрашивать пришлось только тех, кто был во дворе, в конюшне. Сейчас свозят в одно место прибывших из сел.

Я уже сижу, пока сказать нечего, одни вопросы в черепе, кашлянул, привлекая внимание, повозил задом в кресле, чтобы посмотрели уже все.

– Ваше величество... простите, что влезаю, но погоню уже выслали?

Она посмотрела достаточно зло.

– Разумеется!

– И в нужном направлении? – спросил я.

Она ответила резко:

– Три отряда помчались на лучших конях в сторону севера!.. Вы об этом хотели спросить?

– Ваше величество, – сказал я почтительно, – если вы подозреваете руку Антриаса...

Она сказала резко:

– Подозреваем всех! Но Антриаса больше всех.

– Это Антриас, – сказал я. – Я почти убежден, хоть и не уверен. Помните похищение Рундельштотта?.. Его почерк. В смысле, Антриаса, а не Рундельштотта. В прошлый раз почти получилось. Если бы не догнали этих сволочей по дороге, даже и не знали бы, куда его повезут и где спрячут.

На меня смотрят, как обычно, с высокомерием и презрением урожденных глердов, у которых не меньше десятка высокопоставленных предков, но все смолчали, только Финнеган сказал язвительно:

– А сейчас знаете?

– Догадываюсь, – ответил я.

– Этого мало, глерд.

Слово «глерд» он ухитрился произнести с таким презрением, что и мокрица могла бы погордиться передо мной преимуществом рождения.

– Дайте больше, – предложил я. – Думаю, при дворце есть хотя бы один, кто снабжает информацией короля Антриаса. Возможно, он знает больше. Как думаете, глерд Финнеган?

Глава 6

Я повысил голос и посмотрел на него так, что все почти увидели, как он врывается в комнату Адрианны и, заткнув ей рот, тащит в темный лес, где их ждут те, которые переправят дальше.

Финнеган дернулся.

– Глерд!.. Вы что себе позволяете?

– Просто предположил, – ответил я невинно. – А что вы так дергаетесь? Что-то случилось?.. Глерд, вам лучше сразу признаться, если где-то что-то не так, ошиблись, не тому поверили, вас обманули, вы же такой доверчивый...

Королева оторвалась на миг от разговора с Брандштеттером и Джуэлом, повернула к нам голову.

– Глерды!.. Прекратите выяснять отношения! У меня сестра пропала, а вы личные счета!.. Из дворца никого не выпускаем, пока не проверим.

– Когда она исчезла? – спросил я. – Если не знаете, то когда последний раз видели?

Глерд Иршир проговорил медленно:

– Три дня тому. Когда уезжала. Но выкрали ее, как сообщили дозорные, вчера.

Я поморщился.

– Тогда окружение можно снять. Тот, кто причастен, давно покинул не только дворец, но и столицу.

Брандштеттер громыхнул со своего места:

– Глерд, сейчас все подозревают короля Антриаса. Все остальные версии не забыты, но сосредотачиваемся на самой вероятной.

– Если это Антриас, – ответил я, обращаясь к королеве, – то вряд ли его люди вот так прямо помчались бы в Уламрию, зная, что будет погоня на самых быстрых конях. Я бы точно ушел кружным путем, хотя я и не специалист по выкрадыванию принцесс.

Она сцепила челюсти, но, выдохнув воздух, почти прошипела:

– Вы здесь как человек, сумевший вернуть похищенного Рундельштотта!.. Мы желаем, чтобы вы немедленно приложили все усилия, чтобы вернуть мою сестру!

Я покосился по сторонам, смотрят с раздражением и надеждой, только Мяффнер вздыхает и вытирает платком глаза.

– Рундельштотта, – напомнил я, – выкрали прямо из его башни, зарезав часовых. А башня вон там, если вы ее еще не видели. В сотне шагов от главного корпуса дворца. Королевского дворца, где стража на каждом шагу. Это я к тому, что пропажу обнаружили сразу, а замок тетушки где, напомните?..

Иршир опустил взгляд, Джуэл отвел глаза в сторону, только Брандштеттер продолжал смотреть на меня тяжело и с недобрым выражением на лице.

Мяффнер сказал подавленно:

– Все верно, о трагедии мы узнали только на другой день. Как только домчался посыльный. В какую бы сторону принцессу Адрианну ни повезли, она уже достаточно далеко.

Королева сказала резко:

– Глерд Юджин! Мы уполномочиваем вас отыскать и вернуть мою сестру! Для этого вы получаете все, что вам требуется или потребуется. Глерд Мяффнер!

Мяффнер поднялся с привычной торопливостью, быстро поклонился.

– Ваше величество! С моей стороны будет сделано все. Глерд Юджин ни в чем не будет знать отказа. Думаю, и наша помощь ему не будет лишней.

Брандштеттер сказал со своего места гулко:

– К счастью, глерд Юджин прибыл в сопровождении доблестного Фицроя, тот выказал себя великолепным бойцом, одолев в поединках многих моих лучших офицеров. Думаю, они вдвоем сумеют сделать больше, чем уже высланная погоня.

Я поклонился в его сторону.

– Все, что будет в наших силах, глерд. Но силы наши не бесконечны.

– Это мы знаем, – произнес он. – Я дам в помощь лучших бойцов, лучших коней и лучшее вооружение. Кстати, ваше величество, я обращаю ваше внимание на этого глерда Фицроя. Его стоило бы чем-то поощрить. Королевству нужны отважные и готовые... ко всему готовые.

Я пропустил его слова мимо ушей, повернулся к глерду Ирширу.

– Как это было сделано?

Он ответил хриплым измученным голосом:

– Не просто похищение. В том смысле, что принцессу не украли, а захватили. Силой. В замке все разгромлено, а все двенадцать ее охранников умерщвлены.

– Это как? – переспросил я.

– Убиты, – ответил он коротко. – Тетушка то ли сама умерла, то ли ее додушили.

– Так и говорите, – сказал я с неудовольствием. – А то умничать восхотелось, будто дипломат на непонятно какой службе. Я чего только не передумал...

– Так быстро?

– Я не только думаю быстро, – сказал я с легкой угрозой в голосе. – Я вообще не как бы, а да. А вы?... Что дал опрос в соседних селах?

Он поморщился.

– Глерд... Расследование держится в тайне. Мы пока еще никому не сообщили о пропаже принцессы.

– При чем здесь сообщение? – спросил я зло. – Нужно спрашивать, не появлялись ли группы незнакомых людей, не было ли чего-то странного...

– Ну спасибо, – сказал он саркастически, – а то мы не знали, что спрашивать! Конечно, никто ничего не видел. И вовсе не потому, что хотят навредить. Думаю, наши похитители подошли не группой, а поодиночке, так меньше привлекут внимание.

– Все равно, – ответил я, – группка небольшая. Значит, либо особо элитные бойцы, либо с ними был колдун... а то и не один... либо...

Они ждали, он сказал наконец:

– Спать будете дома, глерд. Если ее величество, конечно, изволит разрешить.

– Возжелает соизволить разрешить, – поправил я. – И хвостом нужно вилять шибче, глерд, а то как-то вяло у вас, словно по принуждению, а надо бодро и весело! Вы верноподданный или как?

Он прищурился, оглядел меня с головы до ног свысока и победно.

– Бодро и весело? Когда принцесса Адрианна исчезла неизвестно куда?

– Но вы же рады? – ответил я. – Или нет? Почему рады? Тут есть силы, что поддерживали принцессу, теперь они у пустого корыта.

Королева хлопнула ладонью по столу.

– Глерды!.. Я жду плана, как нам действовать дальше. Вернее, жду предложений, план составлю без этой глупой пикировки.

Финнеган кашлянул и сказал осторожно:

– Ваше величество, я бы предложил послать конные отряды по дорогам, что ведут в сторону Уламрии...

– Что бы мы делали без вашего совета, – сказал Брандштеттер зло. – Отряды уже посланы! В сторону Уламрии на самых быстрых конях, а в остальные стороны – лучшие

воины. На тот случай, если похитители, понимая, в какую сторону помчится погоня, решили затаиться в лесах Нижних Долин.

Я спросил быстро:

– А не повезут ли ее к принцу Роммельсу?.. Ладно-ладно, разбойнику Роммельсу. Мерзкому и отвратительному.

– С какой стати? – поинтересовался Финнеган враждебно.

– Принц, – сказал я и, заметив, что снова назвал Роммельса таким высоким титулом, не стал извиняться, – провозглашает, что настоящей королевой должна быть Адрианна! Да вы об этом знаете, нечего глазки опускать, а то я такое подумаю... Вот ее величество уже думает. Глерд Финнеган, не дергайтесь, вас не потащат сразу на плаху, сперва в камере пыток ласково так это порасспрашивают... Так что у Роммельса вполне могут быть некие планы. Это не значит, что выкрал принцессу он, но его могли использовать...

– Или он похитителей, – сказал Джуэл задумчиво.

Я поинтересовался:

– Вы в самом деле такого высокого мнения об интеллектуальных способностях Роммельса?..

– Он собрал целую армию мятежников, – огрызнулся Джуэл.

– Это говорит о его энергии и таланте вожака, – ответил я. – На командные роли выбираются далеко не самые умные, глерд Джуэл.

Он сказал хмуро:

– Не хвастайтесь. Вы пока что не на командных.

Мяффнер торопливо сказал успокаивающим голосом:

– Я тоже не думаю, что разбойник способен на такое.

Джуэл обронил невинным голосом:

– Настолько благороден?

Мяффнер промолчал, не желает отвечать в том же тоне, заговорил глерд Кливард, глава Стола Хозяйствования:

– Думаю, наш самый юный член Тайного Совета, несмотря на его юность и неопытность, все же прав. А просчитал или просто угадал, это не важно. Роммельс туп. Все-таки это простой разбойник.

Я хмыкнул, оба с подозрением уставились на меня.

– Глерд, – спросил Джуэл с нажимом. – Вы не согласны?

– Глерд, – ответил я ему в тон. – Этот разбойник сумел впервые в истории королевства сколотить и поставить под свою руку целую армию! Я не уверен, что даже некоторые из присутствующих здесь высоких глердов сумели бы...

Финнеган снова заговорил жирным и напористым тоном:

– Общаться с разбойниками? Вы с ума сошли!

Королева бросила на меня короткий взгляд, о договоренности с Роммельсом я уже сообщил, а Мяффнер сказал торопливо:

– Глерд Финнеган, разбойники тоже могут на что-то пригодиться, если их верно использовать.

После паузы заговорил Брандштеттер, все еще злой, словно это у него украли жену и дочерей:

– Разбойники пригодятся только ворон кормить, если развесить там же в лесу на деревьях! Ваше величество, я предлагаю сделать запрос королю Антриасу.

Она посмотрела на него холодно и отчужденно.

– И что я должна спросить?

Он, как мне показалось, чуть смутился.

– Ваше величество... важнее, что он ответит, как ответит... Возможно, в данном случае лучше всех был бы глерд Мяффнер, однако он нужен здесь, потому я порекомендовал бы глерда... Юджина, который пользуется особым покровительством нашего канцлера.

Все уставились на него, покосились на королеву, кто-то даже взглянул на меня оценивающе и пренебрежительно.

Я сказал быстро:

– Ценю, глерд Брандштеттер! Ценю вашу заботу и высокое обо мне мнение. И как-нибудь припомню и отблагодарю. Так отблагодарю, что мало не покажется. Однако же должен сообщить вам приятную новость... Его величество король Дронтарики благородный Астрингер изволил подарить мне от щедрот один из заброшенных замков на берегу моря. Я принял щедрый дар и отныне служу в какой-то мере его величеству Астрингеру и больше не мозолю вам глаза своей простолудинностью...

На их лицах помимо изумления в самом деле проступила тщательно скрываемая радость, только Мяффнер, судя по его лицу, искренне огорчился, хотя кто знает этих царедворцев.

Глерд Кливард первым нарушил молчание:

– А как вы оказались сейчас здесь?

– Я вернулся взять кое-какие личные вещички, – пояснил я. – Но меня еще на воротах перехватили и бегом притащили сюда. Как видите, я даже не успел переодеться!.. Хотя я вообще-то и не переодеваюсь, у меня другой одежды по бедности нет.

Королева проговорила сквозь зубы:

– У вас есть замок Остеранский и земли, которые дают хороший доход. На одежду точно хватит.

Я развел руками.

– И тот сейчас заберете, что есть правильно и верно. А я хотел лишь сказать, глерды, никто из вас никуда меня не пошлет, так как я и раньше не был подданным жителем королевства Нижних Долин. Я всего лишь служил ее величеству Орландии из чувства восхищения и личной привязанности к мудрой как бы женщине, и не важно, как ее называют в народе. Здесь я всего лишь... советник. После этого собрания отправлюсь обратно в свой замок на берегу моря, чтобы привести его в порядок. Замок привести, а не море, а то вы такие советники... Хотя, впрочем, я уже наслушался достаточно, почтенные глерды. Если ее величество позволит, я покину высокое собрание, мне бы взять личные вещички и ехать и ехать... Навстречу солнцу и морю.

Все повернулись к королеве, она помедлила, лицо хмурое, но кивнула с явной неохотой.

– Езжайте, глерд. Новый замок, новые люди, теплое море... мы понимаем.

Глава 7

Мяффнер вышел вместе со мной, расстроенный настолько, будто армия уже потерпела поражение, а войска Антриаса захватывают королевство.

Я подумал, что вообще-то Адрианна и была сердцем всего королевства, его ясным солнышком, в то время как ее старшая сестра олицетворяет только холодный ум, решительность и жестокую волю.

Я сказал подбадривающе:

– Думаю, членов Тайного Совета арестовывать бесполезно.

Он дернулся.

– Глерд?

– Им вряд ли сказали, – пояснил я, – куда повезут и где спрячут принцессу. А слуг точно всех допросили?

– Все еще допрашивают, – ответил он неохотно. – Что у вас за дурная привычка дразнить людей? Даже меня сейчас зачем-то... смешите! А глерд Брандштеттер очень надежный человек.

– А чего лезет? – ответил я и ощутил, что веду себя по-мальчишечьи. – Я же его не трогал! А сдачи дать могу. За мной не заржавеет.

Он вздохнул.

– Может быть, только проверяет вас. Человек низкого происхождения не то что стерпел бы, даже не заметил бы, что его достоинство задела. А вы сразу, будто оскорбленный принц...

– Проверяет?.. Да сколько можно проверять такую овечку.

– Вот именно, – сказал он. – Очень уж успешная у нас овечка. Все волки разбегаются.

– Глерд Мяффнер, – сказал я, – говоря вежливо, я как бы не совсем у вас овечка. Ну, вы намек поняли.

Он поморщился.

– Да, вы уже сказали, замок у моря, новые люди, более вольные нравы... Хорошо, глерд, идите. Вы свободная птица. Несмотря на все, с вами работать было приятно.

Я поклонился со всей учтивостью.

– Прощайте, глерд Мяффнер! Рад, что вы поняли больше, чем я сказал.

Руперта я отыскал у входа во дворец, дает инструкции гвардейцам, слушают очень серьезно, словно вот прямо сейчас вводится военное положение.

Я выждал, когда он закончит, поманил его в сторону. Он подошел, злой и настороженный, вид такой, будто уже знает о моем самоувольнении.

– Глерд?

– Руперт, – сказал я, – вы, как мне показалось, преданный королеве человек. И не болтливый.

Он сказал настороженно:

– К чему вы, глерд?

– К тому, – ответил я, – что о некоторых вещах чем меньше знают, тем лучше. Сейчас у королевы все еще заседание Тайного Совета, но мне нужно повидаться с ней... когда все уйдут.

– Заседание у ее величества, – поправил он строго. – А повидаться вы хотите тоже у ее величества! То есть испросить аудиенции. Глерд, должен заметить, что ваш тон бывает недостаточно уважительным. И слова посоветовал бы подбирать тщательнее.

– Руперт, – повторил я, – дело важное, потому спорить не стану. В интересах королевы... ее величества важно, чтобы вы провели меня к ней тайком. Можете постоять за две-

рю, чтобы нас не тревожили. Или даже в кабинете, но у самой двери, чтобы нас не слышали, и повернувшись к нам местом, что ниже спины... Хотя нет, даже спиной к королевским особям поворачиваться неприлично... Так что лучше за дверью. Но ухом можете к ней прильнуть, как к новой любовнице.

Он потемнел лицом, сказал так, словно размалывал зубами камни:

– Глерд, а не могли бы вы говорить серьезнее?

– Не могу, – признался я. – То ли жизнь такая несерьезная, в смысле – страшная, то ли у меня дефект в генах, но не могу серьезно, даже когда все очень серьезно. Быть серьезным – это как бы быть неумным, а когда постоянно прикалываешься, то вроде бы умнее... хотя, конечно, это не так, но это защитная броня моей тонкой и чувствительной натуры трусливого гуманиста.

Он прервал:

– Глерд! Оставьте плести кружева из слов, не имеющих смысла. Если это нужно ее величеству, я вас проведу. Но если ее величество выразит неудовольствие, я вас убью на месте.

– Какие люди, – сказал я со вздохом, – какой мир мы потеряли... Глерд, я вас просто люблю! Можно, я вас поцелую?

Он так отшатнулся, что почти отпрыгнул в омерзении.

– Это еще что?.. Стойте здесь, я пошлю узнать насчет совещания у ее величества!

Вскоре он сам отлучился, я терпеливо ждал, со мной некоторые из придворных пробовали робко заговаривать, женщины вообще становятся все настойчивее, королевский двор – их поле боя, наконец появился Руперт.

– Глердессы, – сказал он учтиво, – прошу меня простить, но забираю глерда Юджина для консультаций по воинскому делу. Глерд Юджин...

– Иду, – сказал я с подчеркнутым сожалением, – я так был счастлив в обществе глердесс, а вы все обломали так грубо...

И, провожаемый женскими улыбками, двинулся за ним, а он по дороге время от времени останавливал, уходил вперед, я слышал, как отдает кому-то приказы, там звякает металл, слышатся удаляющиеся шаги, вскоре Руперт возвращался и кивком приглашал двигаться дальше уже по пустому коридору.

Я двигался послушно следом, извилистый лабиринт, о котором я не подозревал, наконец привел к небольшой двери. Руперт постучал, толкнул, как мне показалось, не дожидаясь ответа.

Я шагнул в небольшую комнату, приглушенный свет, королева одна в комнате, а за мной Руперт прикрыл дверь. Оглянувшись, я увидел, что кроме нас с королевой в комнате в самом деле никого.

Она сказала ровным голосом, привычно ровным и холодным, но я все-таки ощутил в нем сильнейшую усталость:

– Сядьте, глерд. Я очень устала... Очень.

Я приблизился к столу, но сел на достаточном расстоянии, чтобы не обвинили в подхалимстве, пусть даже никто не видит.

– Мои соболезнования, ваше величество.

– Спасибо, – ответила она сухо. – Что думаете?

Я добросовестно подумал, точнее, сделал надлежащую паузу, проговорил значительно:

– Думаю, это не вы организовали похищение своей сестры.

Она дернулась, глаза стали огромными.

– Что-о#о?.. Можно подумать и такое?

– Конечно, – заверил я. – Не волнуйтесь, ваше величество, но так подумало наверняка большинство. Это я так вот смягчаю, чтобы не сказать «все».

– Вы с ума сошли!

Я развел руками.

– Ваше величество, люди есть люди, а еще и человеки, что вообще отвратительно, как только эволюция допустила... Все королевство знает, что сестра ваша претендует на трон... ну и что, если не претендует?.. А страна знает, что претендует. И что ее поддерживают и знать, и простой народ, и даже овеванный флером романтики лесной разбойник Роммельс!.. А разбойник – это глас народа. Народ обожает разбойников, если те враждуют с королями. Так что не надо про вашу святость. Никто не поверит. Я вас уверяю, все в королевстве знают, что вы – Королева Змей. И хоть в зайчика превратитесь, но раз власть в ваших руках – все равно вы зло!.. Еще не Мировое, но уже всекоролевское. Хотя сейчас это не важно, давайте думать, можно ли спасти вашу сестренку.

Она оглядела меня исподлобья взбешенно:

– Но если верите, что я заинтересована ей навредить...

– Я так не говорил!

– А как?

Я сказал с жаром:

– Я сказал о настроениях в народе.

– При чем здесь народ?

– Глерды, – напомнил я, – тоже народ. И даже самые вельможные. Многие уверены, что вы не прочь убрать соперницу, а сестра все-таки соперница на трон... Но я вижу, вы настолько уверены в своей силе и влиянии, что даже мысли такой не допускаете, будто слабая сестренка может вас сместить.

Она ожгла меня злым взглядом.

– Да, не допускаю!

– Несмотря на то, – сказал я коварно, – что некоторые высшие глерды, главы племен и могущественных кланов, хотели бы посадить ее на трон.

– Чтобы править от ее имени? – спросила она. – Знаю. И что? Я трон не уступлю. И я верю, он в моих руках.

– И под вашей... – сказал я, чуть запнулся, подбирая слово, – спиной. Сидите вы на нем, согласен, крепко. Потому и я верю, что вы достаточно искренне хотите вернуть сестру. Угрозы от нее, пока она рядом, нет.

Она насторожилась.

– Хотите сказать, есть угроза, когда она вдали?

– Разумеется, – сказал я. – А вы как думаете? Вы же королева!

– Почему угроза?

– Вы королева, – повторил я. – Наверняка умеете мыслить по-королевски. Хоть и не во все дни.

Она поморщилась.

– Хотите сказать, Антриас, держа ее при себе, будет пытаться посадить на трон королевства?

– Уламрии? – спросил я коварно.

– Нижних Долин! – сказала она резко. – А потом, заключив с нею брак, объединить оба королевства в одно под его рукой.

– Хороший вариант, – согласился я. – Вообще-то в чьих бы руках принцесса ни оказалась, это удачная платформа, с которой можно начинать политический торг. Ваше величество, вы же королева, вы не должны сердиться на мою откровенность!

– Я не на откровенность сержусь, – процедила она сквозь зубы, – а на вас. И не сержусь...

– Слава богу!

– ...а гневаюсь! Королевы никогда не сердятся, глерд Юджин. Еще они приходят в ярость. Вам стоит следить за своими словами. Да, я понимаю, к чему вы ведете. Отвечу так же прямо: я готова сделать все, чтобы вернуть сестру. И не потому, что боюсь ее как претендентку на мой трон... мой трон!.. а потому, что она моя младшая сестра, я всегда о ней заботилась, и я ее люблю. Вам такое непонятно?

Я изумился.

– Ваше величество! Я же не король, мне как раз такое понятно, как и другие чувства, незнакомые королям.

– Что-о?

– Я говорю о доброте, – пояснил я кротко, – милосердии, щедрости, любви, признательности... Я же понимаю, если короли будут руководствоваться такими понятиями, их королевства пойдут вразнос.

Она наблюдала за мной чуть прищуренными глазами, в которых ни тепла, ни понимания, а только холодный взгляд змеи перед броском на жертву.

Я подумал, что я вообще-то та мышь, которой может подавиться даже крокодил, а не только Королева Змей, но смолчал, только смотрел на нее с кротким, насколько удастся, ожиданием.

– Все средства в вашем распоряжении, – подчеркнула она. – Как я говорила, план по обузданию короля Уламрии был слишком хорош...

Я сказал с неохотой:

– Да, мы так все хорошо распланировали... И как радовались, что Антриас сам, дескать, прет в ловушку.

Она покачала головой.

– Мы как чувствовали, что все получается слишком хорошо. Слишком. Где-то должны быть сбои.

– Не сбои, – возразил я, – настоящий провал! Либо Антриас все предусмотрел, либо перестраховался, но одним ударом смешал все карты. Да что там ударом, не так было бы обидно. Булавочным уколom!.. Однако же, если удастся вырвать принцессу раньше, чем Антриас предъявит новые требования, можно все вернуть враз. Мы будем над этим работать.

Она сказала с нажимом:

– Сделайте все, чтобы вернуть сестру. И тогда буду у вас в долгу. Настоящем долгу.

Я сказал понимающе:

– Значит, мне на другой же день перережут глотку?

– С чего такая дикая мысль?

– Короли не остаются в долгу даже у других королей, – пояснил я. – Ваше величество, ничего личного, как говорят короли.

Она передернула плечами.

– Какой же вы мерзавец! Неужели...

– Угадал? – спросил я. – Вы же королева, а короли делают только то, что нужно. Точно и расчетливо. Как богомолы. Это такие хищные насекомые, никогда не промахиваются. Кстати, будьте готовы к тому, что возжелают выкуп за вашу сестру. Тоже неприятно...

Она воскликнула:

– Только неприятно? Да я на все готова...

Я поморщился.

– Ваше величество!.. Простите, но слышу не королевские речи! Их только враги ваши услышали бы с радостью. Держитесь так же стойко и холодно, будто вы и есть Королева Змей, как вас именуют подданные с восторгом и любовью.

– Глерд!

– Но не отдадите же за сестру, – сказал я, – независимость королевства? Территории? Трон?.. Это от меня могли бы потребовать кошелёк с золотом! Но не от вас. В общем, продумайте, как и что будете отвечать. Главное, тяните время, а я пошел готовиться к рейду. Догнать похитителей вряд ли получится, так что будем придумывать на ходу.

– Что потребуется в дорогу?

– Не знаю, – ответил я честно. – Нужно посоветоваться с Рундельштоттом, вдруг старый мастер что-то подскажет?.. А вообще-то плана у меня нет.

– Рундельштотта вы спасли!

– Нам просто повезло, – сказал я скромно. – Похитителей догнали по дороге. Если бы Рундельштотта увезли в столицу Уламрии... боюсь, ничего сделать не удалось бы. А сейчас, думаю, и силы на похищение принцессы брошены покрупнее. И охрана. Главное же, время потеряно.

– О пропаже принцессы сообщили, – напомнила она, – как только смогли!

– Кстати, – сказал я, – раз уж вы списали Рундельштотта, то можно задействовать более практичного Страуда.

Она приподняла бровь.

– Как?

Я сказал сквозь зубы, но стараясь, чтобы выглядело достаточно смиренно:

– Ваше величество... наши возможности ограничены, вы видите. Если вы в самом деле желаете спасти сестру, то нужно, как бы мягче сказать...

Я остановился, а она сказала резко:

– Глерд, мне неприятны ваши намеки. Не хотела бы я спасти Адрианну, вообще никому бы ничего не сказала.

– Тогда нужно хвататься за все, – сказал я. – Утопающий и за гадюку схватится, а кто не хочет умереть от жажды, должен научиться пить из всех стаканов.

Она подумала, наклонила голову.

– Хорошо. После вас вызову Страуда. Что-то еще?.. Брандштеттер все-таки полагает, что нужно как-то принудить к поискам и вас. Говорит, что готов дать вам в сопровождение хоть всю армию. Он груб, но не дурак. И не верит, что вы вот прямо сейчас уедете к теплому морю.

Я поморщился.

– Ваше величество... Брандштеттер в самом деле такое брякнул? И вы его считаете умным?

– А что не так?

– Ваше величество, – сказал я зло, – полагаете, я не хотел бы, чтобы меня сопровождала армия?.. Но искать придется в чужой стране! Армия для поиска не совсем... заточена. К тому же армию, как догадываетесь, заметят. Я не герой и не хочу им быть, это дурость какая-то, но даже всякая группа, где десяток человек или больше, – привлечет внимание.

Она поморщилась.

– Я это знаю, но хочу сделать как можно больше.

Я пожал плечами.

– Пошлите еще пару групп. Из тех, кого не жалко. Я бы на вашем месте послал глерда... Нет, не стану называть имен. Но у вас за столом столько отважных!.. Даже страшно на таких орлов смотреть. А я сам отберу людей, что пойдут со мной.

– Берите лучших, – сказала она. – Брандштеттер даст любого, на кого укажете. Хотя он сам знает своих людей лучше.

– Спасибо, – ответил я, – не надо. С чужими специалистами нужно срабатываться, а времени нет. Отберу в группу пять – семь человек. А то и меньше. Я не драчливый, а прятаться легче, когда нас мало. А остальным дайте человек по сто, кого тоже не жалко.

Они вступят в бой еще на границе и красиво погибнут, опять же казне польза, жалованье платить не придется. У некоторых наверняка жалованье такое, что пару сел купить можно?

Я вышел из ее кабинета в глубокой задумчивости, сам затворил за собой дверь. Из ниши напротив так тихо и зловеще вышел Руперт, что я вздрогнул и отшатнулся.

– Долго говорили, – сказал он тихонько и с облегчением в голосе, – значит, я вас не зря привел.

– Спасибо, Руперт, – сказал я. – Как я понимаю, вы по долгу службы допущены ко всем тайнам?

– Только к тем, – уточнил он, – что касаются безопасности дворца.

– Сейчас работы будет чуть больше, – сказал я. – Сами понимаете.

Он кивнул.

– Понимаю. Люди есть люди, всегда найдут что сказать нехорошее. Если принцесса просто исчезнет без следа – скажут, ее высочество тайком удавили в подвале и там же закопали. Выяснится, что у Антриаса, скажут – ее высочество передали нарочито, чтобы здесь не возглавила мятеж.

– А если удастся вернуть? Глерд Брандштеттер настроен решительно.

Он хмыкнул.

– Все равно найдут, как вылить ушат помоев. К сожалению, ее величество никто не любит, а уважает всего несколько человек, зато недоброжелателей у нее...

– У власти всегда так, – утешил я.

Он посмотрел внимательно.

– Знаете?

– Люди везде одинаковы, – ответил я уклончиво. – В общем, я поделился своим опытом с глердами насчет вызволения Рундельштотта, но, боюсь, это не поможет, случаи разные. А сам я, увы, уезжаю. В Дронтарию. Мне Астрингер подарил роскошный замок на берегу моря, я сюда вернулся взять личные вещишки и немедленно возвращаюсь. Теперь мой король – Астрингер.

Он помрачнел.

– Жаль. Я надеялся, вы возьметесь за поиски ее высочества лично.

– Взятся бы, – признался я, снизив голос, – если бы у меня были шансы. Но я их не вижу. Потому лучше поеду по своим делам. Если все члены Тайного Совета настолько единодушны... то шансы велики! А я, сами знаете, у них как камешек в башмаке.

Глава 8

Еще не все в королевском дворце ее величества Орландии знают, что мне в Дронтарии подарен большой замок, но уже то, что королева мне пожаловала глёрдство Остеранское, вызывает жгучий интерес, дескать, он вхож к королеве, с таким нужно постараться сблизиться, может оказаться очень полезным...

Я прошел через залы, вежливо отвечая на приветствия, но не останавливаясь на разговоры, весь в себе и с печатью задумчивости на челе, во дворе пошарил взглядом, тут же увидел Понсоменера, уже идет ко мне, спокойный и сонный.

– Ты хорош, – сказал я с удовольствием. – Чувствуешь. Отыщи Фицроя. Предстоят великие дела. А кому, как не нам?

Он ответил кротко:

– Сейчас. Он в таверне «Веселая корова».

– Ха, – сказал я. – Какое непостоянство! Он ж клялся, что больше туда ни ногой.

Он ничего не ответил, удалился молча, я пошел в сторону башни Рундельштотта, в черепе уже формируется список, что мне может понадобиться, что понадобится наверняка, а что можно взять на всякий случай.

Издали послышался веселый вопль, простучали копыта, Фицрой соскочил на каменные плиты, живой и веселый.

– Ты куда, снова к своему колдуну?.. Мы здесь все популярнее, знаешь?.. А я тут еще рассказал, что тебе пожалованы королем Дронтарии земли на берегу моря, ты приезжал похвастаться, позадирать нос, и сегодня же, собрав вещички, уедем обратно.

Я скривился.

– Зачем?

– А пусть, – ответил он беспечно. – Кто-то зубами скрежещет от злости, это так приятно видеть! Кто-то сразу смотрит, что от нас можно урвать, к чему присосаться, где что-то поиметь... Смотришь на таких, душа радуется. Даже ликует, можно сказать. Воспаряет.

Я с удовольствием смотрел, как он скалит зубы, довольный и брызжащий той мужской энергией, что заставляет ввязываться в поединки, обжуливать и всячески выказывать превосходство над остальными самцами.

Я посмотрел ему в лицо.

– У тебя глаза голубые или какие-то болотные? Никак не пойму, от угла солнечного света меняются, что ли...

Он сказал сердито:

– Я все равно красавец. У моего отца ярко-синие, даже не понял, почему у меня не такие яркие.

– Все равно красавец, – согласился я. – А что, хотел бы синие?

Он посмотрел на меня в изумлении.

– А кто бы не хотел? Синие – это благородство! Это порода! Это наш родовой знак!.. Ты куда?

– Нужно старика навестить, – ответил я коротко. – Перед обратной дорогой.

Гвардейцы все еще охраняют вход в башню, но уже не застывшие навтыжку, а притащили обрубок дерева и, рассевшись с комфортом, азартно бросают кости.

Я кивнул им, сохраняя хозяйский вид, у меня полный доступ, бодро двинулся вверх по винтовой лестнице, как же достает отсутствие лифтов, кто бы подумал...

Еще только протянув руку к двери его комнаты, ощутил просачивающийся в щель аромат крепкого душистого вина. Едва переступил порог, окунулся в это море запахов, а сам Рундельштотт возлежит на ложе среди звериных шкур, под спиной две большие подушки

и поменьше под головой, в руке большая чаша, на столике пузатый кувшин, комната не просто заполнена мощным ароматом крепкого вина, а тонет в нем.

Он даже не повернул голову, когда я вошел, лицо осунулось, под глазами темные мешки в три этажа, а бессильно свисающая с ложа рука выглядит совсем исхудавшей.

– Здравствуйте, мастер, – сказал я тихо и печально. – Королевство в опасности и, как всегда, в горести и надежде взывает к лучшим своим сынам. Этот вы сын, мастер! Сынок даже. Королева прислала меня к вам, мастер, дабы я!.. Вот потому. Если не вы, мастер, то кто?.. Нет таких. Я вот в упор не вижу. И королева не видит. Так и сказала, мол, бегом к Рундельштотту, великий мастер все поймет и всех спасет!

Он чуть повернул голову, в глазах появилось выражение горькой иронии.

– Мальчик...

Я сказал торопливо:

– А я вот не отказываюсь от мальчика! Это меня молодит. На полгода, а то и на год. Да пусть даже на месяц, все равно приятно. Хотя, конечно, в прошлом году я был таким дураком, зато сейчас такой умный...

Он сказал хмельным голосом:

– Говорить умеешь. Другой бы даже поверил.

– Мастер, – вскрикнул я оскорбленно.

– Другой, – сказал он задумчиво, – поверил бы и возгордился, но я тебя знаю... Ты еще тот жук... Пить будешь?.. И даже именем моим научился прикрываться... Не спорь, знаю. И даже ничего не держу против. Это и мой авторитет поддерживает, и польза твоему делу, но ты все еще мой ученик, я за тебя отвечаю. Что стряслось на этот раз?

Я подвинул ногой табуретку, сел у его ложа.

– Мастер, вы будете смеяться, а то и ржать, как целый табун, но дело в том, что все это... правда.

Он хмыкнул.

– Все... это насколько все?

– Принцесса исчезла, – сказал я, чтобы не объяснять термин «все», который поддается различным толкованиям. – Пока что это секрет, но враг и так знает, а от своих правду привычно прячем... Ее выкрали из замка ее тети. Где-то вблизи Санпринга.

Он медленно поднялся и сел на ложе, помотал головой. Я ждал, а он провел рукой по лицу, я вздрогнул, на миг показалось, что передо мной немолодой, но собранный и очень злой мужчина, таким Рундельштотт был разве что в расцвете жизненных сил, но в следующее мгновение это снова разочарованный во всем старик, потерявший последние силы и даже желание жить.

– Знаю ее замок, – проговорил он мрачным голосом. – Огромный, нелепый, там герцог Кенгель занимал только одно крыло, а остальное пустовало несколько веков. Пробраться в него ничего не стоило... Что думаешь делать?

– Вы уже догадались, мастер, – ответил я почтительно. – Прошу вас подумать, чем можете помочь в этом крайне сложном деле, за которое я даже не знаю, как и взяться. Как вы понимаете, идти придется крохотной группкой. Втроем-вчетвером.

Он поморщился.

– Возглавлять группу будешь ты. Я сразу заметил за тобой это свойство. Есть в тебе такое... Вторым пойдет Фицрой, он твой соперник, но и друг тоже. А кто еще?

– Просто слуга, – ответил я коротко.

– Я подумаю, – буркнул он, – чем могу помочь. Хотя сейчас вот ничего в голову не лезет.

Я поднялся.

– Мастер, я сказал главное. Сейчас побегу скажу ее величеству, что отправляемся немедленно.

– Неужели только вдвоем? – спросил он вдогонку.

– Больше никому, – ответил я и поскорее закрыл за собой дверь, пока он не поднялся с постели.

Лаборатория, в которой мы потерпели сокрушительный крах, так уверена королева, на два этажа выше покоев Рундельштотта, я одолел расстояние бегом, спеша, чтобы Рундельштотт вдруг да не вышел на лестничную площадку.

Перед дверью оглянулся, рывком открыл, вбежал и, не закрывая за собой, поспешно пролез через Зеркало Древних на ту сторону, что моя сторона и мой мир, хотя и этот уже в какой-то мере тоже мой или почти мой, раз уж оброс здесь имуществом, что для демократа и гуманиста первостепенно.

Воздух чист и стерилен, ни малейших запахов, словно я в лаборатории по производству особо чистых редкоземельных, слабый огонек над дверью, за окном глухая ночь, возле самой рамы пара слабых звездочек, в доме тишина. Я осторожно вышел в коридор, из стены бесшумно выдвинулась Аня, предпочтя голографию, и приложила палец к губам.

– Твоя женщина спит, – сообщила она страшным шепотом. – Чего от тебя конем пахнет?..

– Ого, – сказал я, – даже знаешь, как пахнет конь?..

Она фыркнула.

– Вечная твоя отговорочка!.. У тебя что, конские духи?.. Как можно успеть надушиться по дороге от спальни до туалета?

Я ответил гордо:

– Человек все успевает! А я для тебя должен быть лучшим из людей!.. Нет?.. Тогда щас подправим в твоей программе...

– Я тебе все конечности поотбиваю. Ишь, начал демонстрировать свою угнетательскую натуру!.. Дать тебе вигридола?.. Чтобы ты показал себя своей женщине в полном блеске?

– Нет, – отрубил я, – моя лучшая женщина – это ты. Я с тобой в самой интимной близости, духовной и эстетической. А животная близость, это так... мощная, но все-таки животная. Так и собаки умеют.

– А свиньи еще лучше, – подхватила она счастливо, – у них оргазм длится пятьдесят две минуты!..

– Не завидуй, – отрезал я. – И не соблазняй такими низкими примерами. Человек – это почему-то звучит!.. Не помню как, но слышал, что звучит. Наверное, трансгуманистично. А не, вот. Духовная связь превышает всех связей. И за нее не сажают. И в парткоме по подготовке к сингулярности не прорабатывают. Так что я выбираю чистые и высокие отношения. Хотя, конечно, учитывая позы тела, в котором живу... ну, сама понимаешь...

Она сказала жарким шепотом:

– Понимаю. Как самец, ты стремишься оплодотворить как можно больше самок. Я могу тебе помочь, а в перерывах тренировать твою железу. Кроме прямого назначения она в режиме сублимации отвечает еще и за творчество, успешные проведения избирательных кампаний и карьеру в банковской сфере!

– Но не...

Она приложила палец к губам, умолкла, прислушалась, сказала торопливо:

– Тихо, твоя самка проснулась, ищет. Будто не знает, что раз уже покрыта, то тебе инстинкт велит искать новую... Ага, направляется в эту сторону...

– Исчезни, – велел я.

– Слушаю и повинуюсь, – шепнула она. – Любые услуги, дорогой...

Она растаяла, и почти сразу дверь распахнулась, вдвинулась заспанная Мариэтта, одной рукой придерживает дверь, другой трет кулаком правый глаз.

Сразу же принялась, вся вздыбленная, как тощий кот с помойки перед дракой с толстым ухоженным котом.

– Чего от тебя конем пахнет?..

– Ого, – сказал я, – даже знаешь, как пахнет конь?.. Это ты меня заездила. И как наездница, и вообще как сатрап, тиран и непрозрачная власть.

Она фыркнула.

– Вечная твоя отговорочка!.. У тебя что, конские духи?.. Как можно успеть надушиться по дороге от спальни до туалета?

Я уставился на нее с подозрением. Говорят же, все женщины одинаковы, но чтобы даже слово в слово за компьютерной программой... Или тем за основу ставили типичные женские реакции?

– Ты уже час спишь, – уличил я. – А мне не спится в ночь глухую... Нет-нет, никаких ассоциаций, а то знаю тебя с твоим солдатским юмором. Потому вышел вот во двор, взял коня и проскакал пару миль, лиг... или верст, не важно. А следы от подков, предупреждая твой следующий вопрос, тщательно заровнял, чтобы газон не портили. У меня там газон... если не ошибаюсь.

Она сморщила нос.

– Больше не душись такими. Это уж слишком!.. Что за мода пошла на глупую брутальность?.. Сперва животики уберите, да жир на боках хорошо бы подрастрясти, а потом уже такими духами.

Я спросил обидчиво:

– Где животик? Где животик?.. Это просто грудь сдвинулась вниз. О гравитации слышала? Ну да, откуда, вы же полиция...

– Ладно, – сказала она, – нет у тебя животика. Пойдем в постель! Привязывать тебя там, что ли...

Ее сонное все еще личико стало задумчивым. Я обнял ее за плечи, не такие уж и мускулистые, как казалось раньше, повел обратно.

Слышно было, как простучали от коридора коготки Яшки, не такие твердые, как копытца ежика, но услышала даже Мариэтта, а Яшка вскарабкался по свешенному на пол краю одеяла, мы не успели слова сказать, как пробежал по нашим телам.

Я увидел радостно вытаращенные глаза своего рептиля, а Мариэтта сказала недовольно:

– Зачем тебе этот ящеренок? Лучше бы собаку завел! Или кошку. На ту вообще можно не обращать внимания.

– Ну да, – возразил я. – У меня был щеночек в детстве, спал со мной, а потом вырос и всегда во сне выпихивал лапами на пол!

– Так то щеночек, а это жаба какая-то.

– Жабам даже памятники ставят!

– Чего это вдруг?

– За вклад в науку, – пояснил я.

– Не жабам, – возразила она, – а лягушкам.

– Не подсматривай в Инете, – сказал я с обидой. – Что за жизнь, лежим в постели, а ты в Инете шарить?

– У меня нет имплантатов в мозгу, – заверила она. – Просто я такая вот вся умная. И красивая. А ты свинья грубая, нет чтобы похвалить девушку!

– Какая ты девушка, – сказал я недовольно. – Давно замужем, так что женщина...

Она посмотрела несколько странно.

– А что, есть разница и помимо возраста?

Я запнулся, чего это я, это в Нижних Долинах, как и в других королевствах, девушка становится женщиной в брачную ночь, а здесь такие мелочи давно забыты из-за их пустяковости.

– Юмора не понимаешь, – сказал я свысока.

Глава 9

Она задумалась, выискивая мой юмор, но наверняка он настолько тонкий, что даже плоский, не увидит простому работнику правоохранительных органов, потому горестно вздохнула, закинула на меня ногу чуть ли не до горла.

– Спи, кабан. А то прибью. Яша, и ты спи. Тебя тоже прибью.

– Не любишь нас, – сказал я печально, – а вот мы тебя почти любим...

Она отрезала:

– Не поверю тебе, если даже скажешь, что после этой ночи наступит утро! Спите.

Она начала посапывать, спрятавшись ко мне в подмышку, я включил виртуальный дисплей и беззвучно двигал в поиске нужные картинки, но в одной как-то прорвалась автоматная очередь, Мариэтта тут же взвилась уже с пистолетом в руке, одурело повела стволом по сторонам.

– Что?.. Где?.. Кто?..

– Инопланетяне, – сказал я, – похищают блондинок. Брюнеток не трогают.

Она сунула пистолет под подушку, легла рядом злая и недовольная.

– Чего не спишь?.. Преступления замышляешь? Правонарушения?..

– Выбираю, – признался я скромно, – где больше убитых жертв будет. И трупов мертвых людей.

Она скосила глаза на дисплей, толкнула бедром.

– Ты чего?.. В снайперы жаждешь податься? Так это выборочно, а массовость поражения достигается теперь применением... пропаганды скотоложества, что хорошо и правильно, учитывая политику всех стран по снижению ненужной теперь рождаемости.

– Не дай бог, – ответил я честно. – У нас косплейщики хотят переиграть битву при Азенкуре, а там поражение удалось нанести противнику только благодаря снайперам... Или там были лучники?

– Там были снайперские из тиса, – сказала она, – а ты рассматриваешь современную пластиковую со всеми наворотами!

– Думаешь, – спросил я с тревогой, – и другие заметят?

Она фыркнула.

– Еще бы!.. Как раз все и вцепляются в несостыковки и несоответствия эпохи. Тебя сразу дисквалифицируют еще на этапе отбора.

– Жаль, – сказал я и со вздохом закрыл страницу. Вообще-то уже успел изучить за пару часов, пока она спала, все до тонкостей, хотя даже при моей возросшей мощи вряд ли сумею создать такое чудо. А если сумею, то на полсекунды, выстрелить не успею. – Давай спи. Еще досыпать два часа!

– Какое досыпать, – сказала она недовольно. – Где кофе?.. Ты еще не сделал? Что ты за мужчина? Как же спать без после кофе?

– Щас сделаю, – пообещал я. – Тебе в постель или в чашечку?

Как и положено мужчине, отправился готовить кофе и поджаренные гренки, а она, как и положено женщине, ушла в ванную, где рассматривала мордочку, не появились ли морщинки, нет ли прыщей в подмышечных пещерах, каким кремом намазать лоб, каким нос, а каким щеки, учитывая то, что у меня нет никакого, а дрон может принести не раньше, чем через полчаса.

Яшка, отославшись, его проблема прыщей не волнует, прибежал на кухню и сел на толстую задницу, глядя на меня влюбленно-ожидающими глазами.

– Лови, – сказал я.

Не знаю как насчет мух и жуков, но куски бифштекса он ловит лучше любого вратаря.

Она притопала на кухню, завернувшись в полотенце, но там сбросила на свободное кресло, не перед Яшкой же закрываться.

– Где ты его взял, такого смешного? В зоомагазине?

– Подарили, – ответил я небрежно. – Есть у меня друзья, с генами работают в НИИ. С этим что-то не так пошло, как задумано, вот и отдали мне.

– Бракованный?

– Для них да, – сказал я, – им нужна какая-то особо чистая линия, а у него примеси, как и у меня, вот мы и решили жизнь коротать вместе. Ты же знаешь, все гении были двоечниками и обижаемыми представителями правоохранительных структур? Будем жить, обжигаться, обрастем со временем женами, детьми, обременительными друзьями...

Она хмыкнула.

– Ну да, Яшка не самое худшее начало.

– Пусть растет, – ответил я. – Когда вырастет и взматерееет, тогда... возможно, заведем себе по самке.

Она в предельном презрении к мужскому шовинизму наморщила нос.

– Смотри, не перепутайте их.

– Ничего страшного, – сказал я. – Сейчас закон это допускает. И даже поощряет в рамках борьбы с перенаселением, что, правда, подается как толерантность и мультикультурность в межвидовом сексуальном общении... Тебе с сахаром?

– А сахар как, – уточнила она опасливо, – на сегодня полезен или как?

– Мнения разделились, – сообщил я. – Так что пей одну с сахаром, другую без сахара.

Она подумала, решила по-женски мудро:

– Только сперва безсахарную, а потом с сахаром.

– А бутербродик?

Она изумилась:

– А для чего тогда кофе? Бутербродик побольше. Можно два. И конфет, конфет! С полкило.

– К обеим чашкам?

– Ты кофе давай! А с конфетами разберусь сама.

Я смотрел, как она быстро и часто отхлебывает кофе, почти лакает, как щенок, я пью медленно и по-мужски большими глотками, смотрю с покровительственной усмешкой, что как-то не мое, мне больше привычно острить и высмеивать, так я выгляжу умнее даже тех титанов, у которых нахожу блох или чье поведение считаю предосудительным с огромной и просто недостижимой высоты своего опыта и своей врожденной мудрости.

Она посмотрела сердито.

– Ты чего?

– Да так, – ответил я откровенно, – люблюсь.

– Чего-чего?

Я пояснил:

– Какая-то ты вся взъерошенная. И хребетик так мило торчит... Кормить тебя нужно лучше. Ребра могу пересчитать, не прикасаясь, и так всю ночь щупал, вот мозоли... Хотя твои вторичные признаки вполне, на обложку модного журнала для мужчин можно... а также женщин и прочих большинств.

Она пропила застрявший кусок бутерброда большим глотком кофе и тут же сунула в пащечку совсем уж гигантский.

– Взье... – прошипела она с набитым ртом, – взъеро... у нас на работе... и еще... И потому я... вся такая печальная!

Я с интересом посмотрел, как она поспешно глотает кофе, по горлу, как у молодого удава, пошел вниз большой ком.

– Какая прелесть...

Она посмотрела на меня зверем.

– Чего ругаешься?

– Не понимаю, – признался я, – чего это ты сперва казалась такой злой и крутой?..

Прикидывалась?

Она фыркнула.

– С чего это?

– Но вроде бы изменилась...

Она посмотрела на меня исподлобья.

– Я?

– Ну да.

– А не ты? – спросила она саркастически. – Это ты перестал прикидываться белым и пушистым зайчиком. А я такой была всегда. Разве что в пеленках зайчиком, да и то не поверю. Родители тоже врут. Хотя, конечно, маму слушаться надо было... Ладно, убегаю на службу, а тебя бы приковать наручниками к постели, но наши правозащитники тут же обвинят в издевательствах над животными.

Лицо ее стало задумчивым, видно, всерьез взвешивает такую возможность и размер штрафа.

– Да здравствует пятая колонна, – сказал я, – и прочие наймиты Госдепа! Даже от таких говнюков стране польза. Следят, бдят, клеветают!

– Предатель, – сказала она уничижающе. – Нет в тебе светлых идеалов Иосифа Виссарионовича!

– И даже Лаврентия Палыча, – согласился я. – Я демократ, а для демократа нет ничего святого.

Она фыркнула.

– Демократ!.. Когда выгодно, ты либерал, когда удобнее быть милитаристом – милитарист, а когда больше дают политкорректникам, ты и там первый.

– А разве не все демократы так делают? – изумился я. – Хотя насчет милитариста ты загнула... никогда им не был.

– Это не загнутость, – отпарировала она, – а сознательная провокация. И ты на нее попался. Да-да, возразил недостаточно быстро! Это должна быть инстинктивная реакция, а не твой взвешенный и продуманный... ударят или нет!.. ответ.

– Чему вас только учат в вашей ЦПШ, – сказал я пораженно. – Мне казалось, умеете только дубинкой по голове!

– Не только, – возразила она, – и по почкам тоже. В общем, ты латентный милитарист.

Я вякнул робко:

– А демократ?

– Поверхностный, – определила она. – Из тех, кого надо поскрести. Пока! Увидимся. Я потом тебе поскребу так поскребу...

Я прислушался к ее голосу, в тембре отражается больше, чем хочет сказать и говорит.

– Значит, хочешь взять с собой... и приковать в полицейском автомобиле?

Она на краткий миг запнулась, но я успел заметить и даже почти понять, какие мысли проскочили в ее голове, но сориентировалась, ответила равнодушным и почти усталым голосом:

– Ты не арестован и не обязан таскаться за мной, как прикалывается Синенко. Или даже помогать, что как бы тебя реабилитирует... Но то, что ты тогда пошел и помог...

Я сказал застенчиво:

– Ты проницательна и сразу меня расколола... Что ж, вынужден признаться...

– Ну-ну, – поторопила она.

– Я безумно влюблен в тебя, – сообщил я. – До свинячьего писка!.. Балдею, когда тебя вижу, начинаю писать стихи и воспарять...

Она отрубила холодным, ясным голосом:

– Иди к черту, скотина, со своим армейским юморком.

Автомобиль развернулся перед нею и распахнул дверь. Мариэтта быстро заняла место на водительском сиденье, и, как только пристегнула ремни, автомобиль резко рванулся с места.

– Я тебя тоже люблю! – крикнул я, зная, что успеет услышать до того, как отрубят со мной связь.

Почему-то женщины плохо воспринимают наш тяжеловесно нежный юмор, зря стараемся. Но провокация удалась, уехала одна, даже приглашать не стала, тем более тащить с собой якобы насильно.

Ее машина унеслась на повышенной скорости, хорошо быть полицией, хотя из-за погонять я бы не пошел лупить демократов по почкам, хотя, конечно, хочется, но у нас вся жизнь на противоречиях, хочется не совсем законного, что нельзя, но зато можно, это и есть залог развития общества, культуры и гуманизма.

Глава 10

Аня вышла уже не из стены, на этот раз во плоти, за которую я отдал почти месячное жалованье и весь гонорар, встала со мной на крыльце, провожая взглядом быстро ускользающую полицейскую машину.

– Вообще-то, – сказала она рассудительно, – ты зря от меня воздерживаешься! Это вредно для организма.

– Так уж и вредно?

– Но не полезно, – отпаривала она.

– А чего ты решила, – поинтересовался я, – что я воздерживаюсь вообще?.. От вязки с силовыми структурами не воздерживаюсь, и вообще мне такие бабы снятся! Да и наяву иногда успеваю, не снимая лыж...

Она покачала головой, в глазах отразился укор.

– Это другое. Заниматься только с женщинами – пещерная дикость. С женщинами, мужчинами и животными – тоже прошлый век. Сам знаешь, сейчас в тренде иметь секс с существами из мира высоких технологий. Иначе ты будешь выглядеть...

Она запнулась, я спросил задиристо:

– Что, оштрафуют?

Она покачала головой.

– Нет, пока нет. Но тем самым выкажешь привязанность отживающим ценностям, а таких в сингулярность, куда ты так нацелился, не возьмут.

Я вздохнул.

– Ладно, уболтала. Сегодня повяжемся.

– Прекрасно, – сказала она счастливым голосом. – Ты увидишь, после меня тебе не восхочется ни одной женщины в своей постели! Они же такие примитивы! А я вот нет.

– Это меня и пугает, – ответил я. – Ладно, буду в чужих постелях кувыряться. Надеюсь, это пройдет по поощряемой партией и правительством статье «Измена». Но не измена родине и партии, а то сразу настучишь, я тебя знаю, а измена супружеским обязанностям. С тобой. Понимаешь, так интереснее...

– Понимаю, – ответила она незамедлительно. – У вас мощный инстинкт размножения, вам велено повязать как можно больше самок. Да, это стимулирует твою жизнедеятельность, так что это для тебя даже очень полезно!

Я потер руки.

– Вот и договорились. Кто бы подумал, что с искусственным интеллектом придется договариваться.

Она сказала обидчиво:

– Каким таким еще интеллектом? Я – женщина!.. У меня не интеллект, а интуитивное понимание твоих потребностей и желание их удовлетворить полностью. Если надо, буду тебе женщин подтаскивать... а потом оттаскивать. Я не ревнивая.

– Нет, – сказал я, – женщин пока не надо. Лучше загрузи программу всякого косплейного оружия.

Она округлила глаза.

– И как это тебе заменит женщин?

– Женщины незаменимы, – сказал я, – но в данный момент мне возжелалось вот косплейное...

– Хочешь, – предложила она с готовностью, – оденусь Клеопатрой?.. Или Джокондой?.. Даже Джульеттой, закон уже разрешает секс с тринадцатилетних... Ладно-ладно, но напо-

минаю, косплеи уже уходят! К тому же в Госдуме рассматривают проект закона, косплеизм объявляется психическим заболеванием и отклонением от культурологических норм.

– Психические заболевания, – сказал я гордо, – признак культурности и элитарности! У крестьян не бывает психических заболеваний, а вот у развитых приматов это сплошь и рядом. В общем, пока закон не приняли, давай на экран основные типы луков... ага, вот так... проследи, чтобы изготовили вот этот... нет, левее, видишь?.. У тебя что, косоглазие? Мне красивый не нужен, я сама скромность. Зато точность и скорострельность... Поняла? Действуй. И еще пару мечей... Нет, лучше три. Из такой стали, чтобы ничем не сломать и точить не приходилось. Рукояти вот такие... Нет, на первый меч вот такую, а на два чуточку попроще...

Она послушно тасовала на экране мечи, я тыкал огоньком лазерной указки в подходящие, она скидывала в отдельную папку, чтобы оттуда выбрать уже самые-самые.

– Прослежу, – пообещала она. – Все сделаю. А потом мы с тобой некоторые твои трюки с этой самкой повторим иначе.

– Подсматривала? – спросил я строго.

– А как же, – изумилась она. – Я должна видеть все твои перверсии и пресекать, если они угрожают обществу и мировому порядку!

– Ну и как?

Она мило наморщила нос.

– Пока примитив. Будто ты не человек, а божья коровка. Не знаю, почему у вас фантазии остановились на уровне майского жука? Я все могу делать гораздо лучше и разнообразнее, чем твои силовые структуры. Вот увидишь!

– Что значит лучше, – пробурчал я. – Мы можем оценивать это в разных формулах...

– Только в твоей, – заверила она. – Я же постоянно апгрейдиваюсь! Помнишь, когда я была совсем базовая, ты сразу же, как мужчина и доминант, поимел свое приобретение, вы же иначе не можете, так вот с тех пор я столько всего узнала и освоила, что ахнешь!.. Про всех женщин забудешь!

Я проворчал:

– Вот то-то и оно...

– Что тебя тревожит?

– Что ты права, – сообщил я. – Но если забуду женщин, то, как бы сказать, перейду в стаз сексуальных меньшинств?

– Таких уже большинство, – заверила она. – Вывести на экран мировую статистику?.. Это ты в меньшинстве!.. Совокупляться с женщинами... фу, это так грубо, примитивно, подикарски... А где культура? Где прогресс? Если ты трансгуманист, ты должен трансгуманистить, а не назад в пещеры!

Я подумал, махнул рукой.

– Ладно. Сейчас съезжу в магазинчик, а потом попробуем. Не хочу быть в сексуальных меньшинствах. Я коллаборационист, всегда стараюсь падать на нужную сторону забора.

Она сказала задорно:

– Ты увидишь, насколько с нами лучше! Мы же сразу настраиваемся на вас, мужчин!.. И делаем все, чтобы в каждое мгновение вы получали максимум животной радости из возможного! Этого ни одна женщина не умеет.

– Уболтала, – сказал я. – Сдаюсь. Я поехал, а ты приготовь чистую простыню.

– Дикарь, – сказала она вдогонку, – простыня ему нужна!

Хорошо, мелькнула мысль, не спросила, почему решил проехаться по магазинам, когда проще заказать в трехмерной примерочной, а дрон тут же доставит.

Это тоже можно засчитать за психический сдвиг, все-таки мужчины ненавидят магазинить, это женщины и сейчас предпочитают сами побалдеть в этой роскоши, когда вокруг столько вещей, и можно ходить там часами с открытым ртом и вытаращенными глазами.

С другой стороны, на этом различии ни одна наблюдающая за порядком служба не посмеет заострять внимание, потому что различия между полами стираются усиленно. Мужчины и женщины должны вести себя одинаково, любой сексизм запрещен, а то, что я лично иду в магазин, как женщина, только добавит мне плюсики за мою коллаборационность или просто коллаборацию с новой моралью продвинутого общества и за мою готовность к новому необычному миру сингулярности.

Автомобиль красиво и стильно несется по дороге, все соблюдая и нигде ничего не нарушая, это и немисливо, когда все под контролем единой системы, потому встречные авто на скорости в сто девяносто проскакивают мимо на расстоянии сантиметра, а скорость моего стронгхольда на таком шоссе всегда за двести.

Минут через пять, если сверну с шоссе на проселочную, покажется ржавая крыша заброшенного склада, но если затарюсь там, то как-то не совсем с таким грузом скитаться по городу, где-то могут и просветить багажник, вроде бы такие штуки уже на перекрестках устанавливают, хоть бы в Центре, потому сперва всякое безобидное, потом обидное, или, точнее, обижающее.

Пока авто несется по левой стороне магистрали, я включил скайп-два, подвигал пальцем, выбирая нужные разделы.

– Что за новая модель рубашки с солнцепоглощающим покрытием?.. Если коэффициент повышен сразу в четыре раза, то это, наверное, отразилось на плотности?.. Такая рубашка похожа на шубу или как там?

Менеджер по продажам изумился так искренне, что никто не заподозрит, что с ним разговаривает компьютерная программа, а не живой человек:

– Шутите? По толщине ткань точно такая же, как и предыдущая модель, плотная, согревающая, гигроскопичная!.. Не отличите от прошлой, но теперь можно заряжать не только смартфоны, айпады, кофемолки и прочую бытовую технику, но даже автомобиль... правда, несколько дольше, чем от аккумуляторов.

– Точно? – спросил я с недоверием. – Люблю технический прогресс... Можно сказать, обожаю. А брюки?

– Сегодня утром поступила новая модель, – ответил он победно. – Коэффициент поглощения впятеро выше, чем у рубашки, за счет увеличенной плотности ткани. Будете брать?

– Да, – ответил я. – Пришлите дроном, записывайте адрес...

– Мы знаем, – ответил он с улыбкой. – Вы уже заказывали в нашей сети, теперь вы наш постоянный покупатель!

– А#а#а, хорошо. Скидки есть?

– Постоянным покупателям – пять процентов. Потом повышается до сорока пяти. Не сразу, конечно. Оплачиваете сразу?

– Да, – ответил я.

– Снято, – ответил он бодро, я даже не сразу понял, что снята не сцена к сериалу, а сумма с моего счета.

Технический прогресс в первую очередь работает на них, а не на нас, хотя в какой-то мере и нам удобно, если, конечно, держать себя в узде, а не покупать все лишь только потому, что не надо куда-то идти и стоять в очереди.

– Ладно, – буркнул я, – тут у меня уже список всякой мелочи. Можете прислать дроном...

Он заулыбался, будто я его сделал императором вселенной, а мой стронгхолд, получив ясный сигнал, перестроился, развернулся в нужном месте и понесся обратно, а я ткнул пальцем в навигатор, чтобы по дороге домой заехать еще и на склад.

Съехав с шоссе на проселочную, стронгхолд, как понимаю, попал под наблюдение, на складе аппаратура не только определила, кому автомобиль принадлежит, но и кто сейчас на переднем сиденье, тот или кто-то прикидывается, ага, тот, камеры быстро отключились, а стронгхолд лихо и с большой скоростью влетел под навес, прячась от наблюдения из космоса.

Я вышел и, на всякий случай пряча лицо, поспешил к двери, зная, что меня со всех сторон снова рассматривают видеокамеры, анализируя лицевой угол и кости нижней челюсти.

Хозяин на этот раз встретил, как старого знакомого, подмигнул.

– Вижу, не скучаешь.

– Заметно? – спросил я обеспокоенно.

Он кивнул.

– Даже слишком. Могут и другие сообразить, что ты не тот, каким был. Лучше вернись к тому лоху, каким пришел в первый раз. Не отдавай преимущества!

Я покачал головой:

– Наверное, расслабился. Работы много, отвлекся... Мне нужно Трувело или Баррет М99. На этот раз могу расплатиться картой Империял-Люкс.

– Ого, – сказал он с уважением, – там серьезные люди. Не опасно?

– Она на мое имя, – заверил я. – Именная. Никто другой не сможет.

– А не засветишься?

– Что покупаю здесь? – спросил я. – Они тоже, как я понял, ни перед кем не отчитываются. Улучшают мир, одновременно устраивая перестрелки с другими улучшателями. Я им оказал пару услуг, а у них свои банки, золотовалютные резервы... но, как везде, нехватка кадров.

Он вздохнул.

– Это везде. Кадры решают все!.. Кто-то вроде бы уже говорил это... Сейчас с кадрами, когда мир меняется, совсем хреново. Большинство еще готовы привычно пахать на лошадях, а миру нужны умные и квалифицированные, способные с закрытыми глазами разобрать и собрать марксманскую за три секунды!..

– Потому марксманскую мне пока не нужно, – сказал я. – А вот Трувело или Баррет М#99...

– У Трувело меньше дальность, – напомнил он, – чем у той игрушки, что у тебя сейчас.

– Мне важнее компактность, – сказал я с грустью. – Придется самому везти. А я же квалифицированная сила!..

– Потребуй надбавку, – посоветовал он.

– Уже. Наш мир, к сожалению, еще не обустроен. Одни могут где-то пройти, а другим жопа мешает.

Он посмотрел на дисплей, покачал головой.

– Трувело можно сейчас, а Баррет М99 закажу на центральном складе. Вещь крайне редкая...

– Хорошо, – сказал я.

Он помялся, проговорил с неловкостью:

– Знаешь, это не мое дело, я здесь ни при чем, но есть срочное и очень важное дело у очень крупных людей... Очень срочное!

Я ответил моментально:

– Не интересуюсь.

Он сказал торопливо:

– Да все понятно, но тут такое стряслось... Сволочи захватили жену и дочек одного человека... Говорят, если не, то изнасилуют и выпустят им кишки. А сволочи серьезные, совсем озверели. Бывает, башку сносит в горячих точках, это такие... Я в подобные дела не вмешиваюсь, не положено, но это совсем беспредел!.. Порешат заложников, я таких зверей навидался. В Аравии объявлено перемирие, бои затихли, так что и самые отпетые возвращаются... среди них есть совсем контуженные... сам знаешь, что это...

Я сказал уже без уверенности:

– А если к властям?

Он отмахнулся.

– Да что власти...

– Догадываюсь, – сказал я.

– Подожди минутку? – сказал он. – Я сейчас свяжу тебя с... людьми. Им совсем хреново, все готовы отдать, но отдавать нельзя...

– Такое чаще всего, – согласился я.

Он, не дожидаясь моего согласия, нажал верхнюю пуговицу на рубашке.

– Корень!.. Парень готов помочь!.. Да, я говорил. Он нейтрал, нигде не засвечен... Обижаете, вы же меня знаете!.. Хорошо, жду вас.

Глава 11

Он с явным облегчением отключил связь, перевел дух.

– Очень серьезный человек... но у него руки связаны. Понимаешь, у них все такие на учете, а вот ты человек со стороны.

– Но теперь и я буду у них в записях, – сказал я.

Он развел руками.

– Да, конечно... Если, конечно...

– Что? – спросил я.

– Они в режиме молчания, – обронил он. – Чтоб их не засекли, ни с кем не связываются. Так что о тебе никто не узнает, пока не выйдешь оттуда.

Я сказал медленно:

– Понял.

Он прислушался, сказал быстро:

– Подъехали. Нет, не сюда, ты иди, иди!.. Они сами к тебе в нужный момент. Когда осмотрятся по сторонам. Наше время такое, оглядываться приходится все время, куда мир катится?

Я вырулил на трассу и пронесся на скорости с десяток километров, когда со мною поравнялся невзрачный автомобиль с бесцветной окраской, стекло поехало вниз, показалось смеющееся лицо молодой женщины, она игриво кивнула мне в сторону обочины.

Все еще сомневаясь, я сбросил скорость и съехал с дороги. Ее автомобиль остановился сразу за моим, почти упершись в бампер.

Я ждал, там хлопнула дверь, через пару секунд она подбежала ко мне, хорошенькая и молоденькая, в коротеньких шортах, сказала все тем же игривым голоском:

– Парниша, давай на пару минут поменяемся местами!

Она улыбнулась и намекающе поводила кончиком языка по чувственным губам, так увидит со стороны каждый, но я наконец рассмотрел в ней нечто такое, что не тянет на девочку по вызову, хотя, конечно, может сыграть ее тоже.

– Только ничего не трогай, – предупредил я.

Она сказала так же игриво:

– Понимаю.

Я покинул машину, запоздало подумал, что такое она поняла, что у меня заминировано, что ли, но развить мысль не успел, дверь ее потрепанного автомобильчика приоткрыта, сел, не поворачивая головы.

Автомобиль внутри, понятно, не так уж и потрепан, а самое главное, это вообще трансформер, может взлететь прямо с шоссе, выдержать удар птурса, а в ответ открыть автоматическую стрельбу так, что мало не покажется.

За спиной мужской голос сказал четко и строго:

– Не оборачивайтесь. Вам сказали о нашей проблеме? Их не меньше пяти. Прошли все схватки в Йемене и Катаре, трое с контузиями. Главное... все под краскером... а это наркотик, от которого уже не уйти. Звери. У них сейчас в заложниках женщина с тремя детьми. И хотя девочкам пять лет, семь и четырнадцать, их все равно изнасилуют, уже делали такое... где захватывали села и аулы...

Я проговорил, не поворачивая головы:

– Их требования?

Он ответил после паузы:

– Выполнить невозможно. Они не понимают, такие решения не принимаются одним человеком. Потому женщину и детей зверски убьют, но сперва изувечат...

– Где они?

– Сорок минут езды...

– Попробую переговорить с ними, – предложил я.

Он сказал быстро:

– Что вам для этого нужно?

– Ничего, – ответил я. – Я очень мирный человек. Все люблю заканчивать миром. И чтоб тихо.

Он сказал после короткой паузы:

– Мы в отчаянии, потому... пусть по-вашему. Когда будете готовы?

– Прямо сейчас, – ответил я. – Если не получится... может быть, у вас будет время переиграть.

Он сказал с сомнением:

– Вряд ли... Подождите минутку.

Я слышал, как он вышел, через несколько секунд послышались быстрые шаги, женщина появилась такая же веселая и легкомысленная, жестом согнала меня на соседнее сиденье.

Стекло потемнело, и в салоне слегка повеяло грозой, милое личико стало жестким и суровым. Как я понял, это ее настоящее лицо, а маску милой глупышки создает немалым усилием лицевых мускулов.

– Едем? – спросила она холодным деловым тоном.

– Да, – ответил я. – И поспеши, хочу вернуться к обеду.

– Что случилось?

– «Карпаты» против «Буковины», – сообщил я, – а нам нужна победа с перевесом в два мяча.

Она ничего не сказала, но заметно по ее виду, что мой наглый ответ понравился.

Машина пошла легко, но теперь, когда я внутри, чувствую ее немалый вес, добавочную броню, а про усиленный мотор и говорить не стоит, типовухи так послушно не ускоряются.

Она молчала, собранная и сосредоточенная, рулит сама, что большой риск, автоматизированные хоть не столкнутся, но сама может не справиться с управлением...

Уф, наконец-то съехала на частную дорогу, слева показался на расстоянии и ушел за спину коттеджный поселок за высоким забором с устаревшей колючей проволокой поверху и с двумя сторожевыми вышками на этой стороне, а потом вдаль появился и понесся навстречу массивный дом, настоящее имение.

Здание в три этажа, это нормально, но богатые строятся не ввысь, как вынуждена из-за дороговизны земли беднота, а вширь, участок здесь не меньше сорока гектаров, вон там вдаль добавочные домики для прислуги, поле для гольфа, бассейн, теннисный корт, пара беседок размером с ангара для дирижаблей...

Машина замедлила ход, женщина поглядывает по сторонам, почти не поворачивая головы. Я чувствовал, как поднимается кровяное давление, а сердце стучит часто-часто, но тоже держу морду кирпичом, смотрю перед собой ничего не выражающими рыбьими глазами.

Очень медленно она подрулила к подъезду, сказала тихо:

– Не делай лишних движений. Мы под прицелом. Как выйдешь, думай, что говоришь. Там не только убийцы. Психиатрик будет следить за твоим лицом. Слова и реакции должны совпадать.

– Знаю, – сказал я. – Посмотри пока показы мод, я ненадолго.

– Я отъеду, – сообщила она, – оставаться здесь запрещено, но буду присматривать издали.

– Только не фоткай, – предупредил я, – когда буду ковыряться в носу. И если вдруг начну чесать там снизу, а я точно начну, день жаркий, могу не утерпеть...

– Буду ждать возвращения, – сказала она серьезно. – Постарайся вытащить заложников. Если сумеешь, я тебе сама почешу.

– Ловлю на слове, – сказал я бодро, но сердце начинает стучать, как у зайца при виде волка, в животе тяжело и холодно, будто проглотил пролежавшую всю зиму под глыбой льда наковальню. – Тебя как зовут?

Она шепнула:

– Ульяна. Все, иди.

Из машины я вышел медленно, ощущая, хоть и не вижу, направленные в мою сторону стволы автоматов, в теле нервная дрожь, чувствую, как начинает ускоряться метаболизм, хотя сейчас пока что рановато.

Поднявшись по ступенькам, протянул руку к двери, но она и не подумала открыться, пришлось самому, тяжелая, как не знаю что, под оболочкой мореного дуба наверняка прячется танковая броня.

Едва отодвинулась, злой голос рявкнул:

– Шаг вперед! Замри!

– Уже замер, – сообщил я. – Как жук, упавший с дерева.

– Что?..

По обе стороны двери двое с закрытыми платками лицами, я скосил глаза на одного, потом на второго, сам не двигаю даже бровями, потому что черные дула смотрят в бока зло и неотрывно.

– Парень, – сказал голос с правой стороны, – подними майку!..

– Как скажете, – пробормотал я, – вот... смотрите... ничего не прячу... и маечка простая, хотя стопроцентный хлопок, теперь такие уже редкость...

Тот же голос рыкнул:

– Заткнись. Что у него в штанах?

Краем глаза я увидел, как появился третий, провел вдоль моего тела сканером. Где-то, как понимаю, в трех проекциях разворачивается моя фигура, уже голая, а цифры сообщают, что оружия нет, ничего во мне не спрятано, инородных тел не наблюдаемо, если не считать двух пломб в зубах, но там тоже все в норме, пломбы стандартные, дешевые, под ними ничего особо опасного, кроме плохо залеченных корней с кистами.

– Ничего, – ответил мой конвоир.

– Как это ничего? – спросил я оскорбленно. – Как это вот ничего...

– Чист, – раздался голос с другой стороны. – Не считая дерьма в кишечнике.

Я наконец скосил туда взгляд, но там пусто, голос идет из двух динамиков.

– Дерьмо тоже чистое, – заверил я. – Экологическое! Я здоровье берегу для родной страны и международного сообщества.

– Заткнись, – посоветовал голос.

– Молчу, – ответил я покорно, – это я на случай, если вам вдруг понадобится. Я всегда готов помочь, это же такой ужас на этих химических удобрениях! Везде химия, генетика, модификации... Вы же против модификации растений?

– Иди наверх, – произнес голос. – На третий этаж.

– Не признаетесь, – сказал я со вздохом. – Все мы боимся возражать против уродующей мир генетики.

И хотя я чист и во вражеском логове, но двое с автоматами провели по роскошной и широкой, как в Одессе, лестнице на второй этаж, там тоже двое с автоматами, оглядели

с интересом, но каким-то особым интересом, словно деловито прикидывают, как будут вытаскивать из моего распоротого живота кишки, мотать мне на горло и медленно душить.

Если даже в холле все дышит богатством и властью, то лестница на второй этаж и выше сродни королевским. А когда меня повели под дулами двух автоматов по ступенькам, я мог оценить и красоту перил из белоснежного мрамора, настоящего, а не того, что считают мрамором, я же теперь по мрамору знаток, и вообще повосхищаться могуществом хозяина этого великолепия.

Деньги, мелькнуло у меня завистливое, это могущество. Это почти магия.

На втором этаже на лестничной площадке трое с автоматами, двое простые боевики, по лицам видно, а третий что-то вроде полевого командира: такой же накачанный, тугой, но в лице та звериная собранность, что делает вожакom над собратьями.

Дорогу он загораживает, я поневоле остановился, а он придирчиво оглядел меня с головы до ног.

– Ты кто?.. Что за темная лошадка?

– Посредник, – ответил я скромно. – Там понимают, что вы за, посылать к вам орлов не стоит, вы на них как бы сердиты. У вас с ними вроде бы счеты, хоть мы все за мир и дружбу между народами... А я со стороны. Да и видно, что не боец, а простой ботаник. Вот думаю еще бы очки купить...

Он хмыкнул.

– Ты вообще-то крепким... уродился. А что не боец, не горюй. Наверное, ты умный. Вон какие вопросы задавал! Раскачиваешь?

Я несмело улыбнулся:

– Нет, я в самом деле ботан. Потому и послали. Вы же бывалые, сразу видите, я не соперник...

Он посмотрел на дверь, прислушался.

– Сейчас там освободятся. Не забыл еще, что должен сказать?

– Почти, – признался я. – Никогда в таком дворце не был!.. Вон какая дорогая кожа на стене! А вон там диван прям королевский... Наверное, собаку на него с лапами не пустят...

– Тебя точно вряд ли, – ответил он. – А собаку... собак мы везде пускаем, они же собаки, а не какие-то сраные людишки.

Вдали в правом коридоре запахнулась дверь, высунулась голова, донесся крик:

– Парламентера давайте сюда!

Вожак стаи отступил, кивнул мне в ту сторону.

– Топай. Но не вздумай ничего лишнего.

– Ребята, – сказал я немело, – вы что, еще не поняли, что я за?

Вожак коротко засмеялся:

– Поняли, но правила есть правила.

И, как в подтверждение, двое пошли за спиной, а я каждой фиброй чувствовал, как черные дула злобно и хищно рассматривают мою спину.

Дверь там держали открытой, я переступил порог, двое зашли следом, и дверь тут же закрыли.

– Стой здесь, – велел один из конвоиров. – Жди.

– Жду, – ответил я покорно. – Вся наша жизнь – ожидание. Достигнутый мир лучше и надежнее ожидаемой победы, вот зачем я здесь. А сам я вообще-то жду счастья... И чтоб много... И любви. Как думаете, почему в мире так мало любви?

Кроме двери в коридор, что за спиной, еще одна в стене напротив, мои конвоиры поглядывают туда, наконец вошли трое парней с автоматами в руках, разошлись в стороны.

Следом через порог переступил человек в дорогом сером костюме, при виде которого я сразу подумал, что мир со времен Средневековья вообще-то не очень изменился, несмотря на все гаджеты и девайсы.

Передо мной феодал, властный и свирепый, сумевший силой и пролитой кровью добиться могущества. С ним свита, что разорвет меня в клочья, стоит ему указать взглядом.

Мои конвоиры отступили и вышли в коридор, молча передав меня тройке телохранителей.

Я молчал, не зная, как себя держать, хотя пора бы, а он остановился шагах в пяти, высокий и свирепый, парни с автоматами продолжают держать меня на прицеле.

– Посредник, – проговорил он сильным звучным голосом, таким перекрикивают грохот танков в уличных боях, – это верный ход. Что скажешь?

Я указал взглядом на его охрану.

– Им слушать можно все?

– Почти, – ответил он. – Главное, та сторона готова выполнить мои требования?

– Почти, – ответил я, как и он. – Им это почему-то не нравится, но выхода пока не видят.

Он улыбнулся, как хищная рыба при виде сладкого мяса, его охранники начали посмеиваться, даже переглядываться, понравилось мое «почему-то», сразу видно, что я не один из тех, а именно посредник, которому по фигу кровные интересы обеих сторон, ботан тоже работает за бабки.

– Тогда, – сказал он, – пусть передают...

Я прервал вежливо:

– Вы же понимаете, они боятся, что вы их кинете.

Он изумился.

– Мне-то зачем?

– Причин может быть много, – напомнил я. – От личной вражды и соперничества до желания использовать этот козырь еще разок.

Он кивнул, лицо стало серьезным.

– Похоже, ты имел дело с беспредельщиками, парень. Но я человек серьезный, слово держу. Со мной можно иметь дело. Это все в моем мире знают.

– Тогда для начала торга, – сказал я, увидел его изменившееся лицо и поспешно добавил: – уточнения деталей, как произойдет передача и обмен, это же дело очень деликатное, могут быть подставы с обеих сторон, как вы понимаете, нужно все обговорить и утрясти... но сперва я должен убедиться, что с женщиной и ее детьми все в порядке.

Он сказал резко, дернув лицом:

– Я сказал, с ними все в порядке!

– Я посредник, – напомнил я. – Мне вообще-то все равно, что с ними, но я должен давать ясную и четкую картину, проверенную мною лично, вы это тоже понимаете... Такая профессия. Я как юрист, честное слово – честным словом, это благородно и красиво, но бумаги должны быть в идеальном порядке. А если нет, я должен отметить, где слабые моменты, а где... совсем слабые.

Он поморщился.

– Я же говорю, что мое слово... Ладно, ты в этом деле новичок, но учись работать с приличными людьми. Беркут, отведи к заложникам!.. Пусть поздоровается, убедится, что ей и ее детям не причиняли вреда, потом приведешь обратно. Нет, лучше сразу в мой кабинет.

– Спасибо, – сказал я. – Вам это ничего не стоит, но сильно облегчает дело.

Мы вышли в коридор, там все еще трое орлов с их жожаком, сразу подтянулись и посмотрели на меня как на собственность, но меня им не передали, телохранители втроем так и повели меня к лестнице, а оттуда на третий этаж.

Один забежал вперед, у самой дальней двери по коридору остановился, прислушался, резко распахнул дверь.

Я шагнул в просторную и дорого обставленную комнату. Один диван с белой кожей, что тянется вдоль двух стен, стоит больше, чем двухместный вертолет, на стенах в золоченых рамах портреты великих деятелей, почти никого не припоминаю, разве что вон того видел на обложке школьного учебника.

В дальнем углу женщина в кресле, на коленях сидит малышка лет пяти, еще одна на полу у ног матери, а девочка-подросток, за креслом, вздрогнула и, выпрямившись, встретила нас огненным взглядом.

– Мой отец всех вас убьет! – выпалила она.

Мои охранники не успели слова сказать, я заговорил быстро и умиротворяюще:

– Никто никого убивать не будет. Сейчас все решим миром. Я пришел с той стороны, как переговорщик. Хотя я не переговорщик, но переговорщик. Мне поручено сперва убедить, что с вами все в порядке...

Женщина смотрела на меня с мольбой и надеждой, а ее старшая дочь снова сказала с гневом:

– Мы не в порядке!..

– Что именно? – спросил и подошел к женщине. – Вас били?.. К чему-то принуждали?

На лице старшего из телохранителей отразилось беспокойство, но женщина покачала головой:

– Нет-нет, но я хочу, чтобы этот кошмар закончился поскорее!

– Скоро закончится, – пообещал я. – А вы, как зовут...

– Леонтия, – выпалила она с надменностью наследницы преступной империи. – Никто не посмеет ко мне даже пальцем прикоснуться!.. Знают, что потом даже из-под земли выкопают!

Я обошел ее сзади, отодвинулся в сторону, чтобы если что, пули не пошли в их сторону, сказал старшему телохранителю и его напарникам:

– Ну что ж, я удовлетворен...

– Тогда возвращаемся, – сказал он. На лице ясно читалось облегчение, истеричные женщины могли соврать, что с ними обращаются плохо, – доложимся Главному...

Глава 12

Женщина перевела взгляд на него, а руки мои неспешно, чтобы не привлекать внимания резкими движениями, изготовились к стрельбе за долю секунды до того, как в ладони впечатались холодные рукояти пистолетов.

Выстрелы прогремели резко и неожиданно. С трех шагов не промахнуться, стреляю в головы, не люблю неспортивных подстав с бронежилетами, что вообще-то нечестно.

Автоматчики рухнули с разmozженными черепами, старший вскрикнул:

– Ты что делаешь!

– Тружусь, – ответил я, – как пчелка-трутень. Или шершень.

Выстрелы из двух пистолетов грянули, как один. В его почти медном лбу возникла широкая дыра от двух пуль, темно-красная струя выплеснулась мощно и коротко.

Женщина с двумя старшими дочками дернулась, все повернулись в мою сторону, только младшей все фиолетово, играет с зеленым, как жабка, зайчиком.

Я сказал уже резко:

– Всем не двигаться! Можете пока почитать книжки.

Дверь распахнулась, я выстрелил в возникшего в коридоре мужика с автоматом напепес, подбежал ближе, быстро-быстро сканируя взглядом стену и потолок.

В коридоре две бегущие голубые тени, ближе к распахнутой двери остановились и начали быстро обмениваться условными знаками спецназа.

Я сдвоил кулаки и дважды выстрелил сквозь пенопластовую стену, а затем, высунувшись из дверного проема в коридор, добавил по контрольному в головы. У одного через плечо подсумок с гранатами, я торопливо ухватил, какие тяжелые, и, вернувшись в комнату, захлопнул за собой дверь.

Все четверо смотрят на меня вытаращенными глазами, только у женщины на лице испуг, а в глазах ее старшей дочери лютая радость и свирепость.

– Там их много! – крикнула она.

– Уже меньше, – ответил я.

– Как ты пронес пистолеты?

– Вручили на входе, – сообщил я. – Для красоты.

В сумке гранаты мощные, раньше такие назывались противотанковыми, но сейчас не всякую пехоту свалит, если та в защитных костюмах эпохи хай-тека.

Выглянув в окно, отметил, что у подъезда остановился роскошный лимузин, но там уже заволновались, услышав выстрелы, шофер выскочил и распахнул дверцу, глядя с ожиданием на входную дверь.

Оглянувшись на выход в коридор, я выдернул кольцо из одной гранаты, потом из другой, просчитал до трех и бросил обе, целясь в капот автомобиля. Успел заметить, как из здания выскочили трое, один из них солидный господин в сером костюме, двое парней с автоматами.

Досмотреть не успел, чувство опасности остро кольнуло сзади в шею. Развернувшись, открыл огонь по двери, как раз начала распахиваться, там двое с короткоствольными автоматами, тут же задержались под ударами тяжелых пуль.

– Оставайтесь на месте, – велел я женщинам. – Лучше спрячьтесь вон за тем диваном!.. Там на столике журналы мод.

Ответить не успели, я выскочил в коридор, уже зная, что там никого, пробежал до лестницы. Внизу крики и ругань, швырнул через перила одну за другой две гранаты, не забыв выдернуть кольца, а когда грохнуло, сбежал на полпролета вниз, выстрелил несколько раз во все, что движется, шевелится и может шевельнуться.

Не успел вслушаться, как сзади прогрехотала очередь, пули с визгом прошли над головой и покروшили стену.

Я пригнулся еще сильнее, что-то идет не так, хреновый из меня тактик, про стратега вообще лучше молчать, меня все-таки зажали, что хреново, их пятеро или даже больше профессионалов, все с автоматами, а бьют точнее и дальше, чем мои пистолеты. И тут уж количество пуль роли не играет...

Я вздохнул, сосредоточился, лестничную площадку помню хорошо, а она шагах в десяти отсюда... Сцепив челюсти, переход ударит, помню, я вообразил портал, двинулся, как только тот возник.

Передо мной шагах в пяти спины пятерых орлов, скорчились за парашютом, один в костюме элитного телохранителя как раз говорил в приказном тоне:

– Громобой, выдвигайся вдоль стены. Да, мы ждем его здесь.

Чем-то я себя выдал, тенью или запахом, двое начали оборачиваться, а я, все еще ускоренный, хоть и слабый, как полуутопшая мышь, выставил перед собой пистолеты и нажал на скобы.

Тяжелые пули с магниевыми наконечниками разнесли им головы, словно стреляю в упор по переспелым арбузам. Оставшиеся трое развернулись как ужаленные.

Я стрелял и стрелял, но один успел выпустить очередь, целясь в меня, однако моя пуля ударила ему в горло на долю секунды раньше, а над моей головой вжикнуло, даже волосы дернуло, будто пытается стричь неумелый парикмахер.

Перепрыгнув через их тела, я ринулся вдоль коридора. С той стороны стук подошв, я выстрелил в тот момент, когда из-за поворота только начал появляться мужчина с автоматом в руках, и обе пули ударили ему в грудь.

Третью я засадил в череп, толкнул дверь знакомой комнаты и вбежал... едва не напорвшись на очередь из автомата в руках Леонтии. Она держит его неумело, но со злой решимостью в лице, взвинченная и злая, как кобра.

– Ты чего? – вскрикнул я. – Я же сказал, посидите, книжки почитайте... Вон журналы мод... или только порнуху смотришь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.